

С.А. Соловьев

ЗВОН КОЛОКОЛОВ РАДУЕТ СЕРДЦЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИСИНЦА

САТИСЪ
ДЕРЖАВА
Санкт-Петербург
2007

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

Скоро это время тоже станет историей — историей России, историей Церкви. Трагический XX век, разрушение и закрытие храмов; рубеж XX и XXI веков — восстановление, возрождение церковной жизни.

Живы люди, которые не только пережили лихолетье XX века, но и сохранили крепкую веру, надежду на милосердие Божие и все свои силы отдали на то, чтобы вновь звонили на Руси колокола.

Автор этой книги, Сергей Андреевич Соловьев, — ученый-лесовод, житель удивительно красивого места под Санкт-Петербургом — села Лисино-Корпус, с прекрасным храмом в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Автор рассказывает о своем детстве, юности, зрелости, о людях, с которыми сталкивался его судьба.

Но главное в книге — это храм, который милостью Божией и трудами многих людей, в том числе и С.А. Соловьева, восстановлен, возрожден и вновь радует нас звоном колоколов.

ISBN 978-5-7868-0075-4

© С.А. Соловьев, текст, 2007

© Издательство «Сатисъ», 2007

Звон колоколов радует сердце

Многие спрашивают, откуда произошло название села «Лисино-Корпус»? В дореволюционной России существовали добровольные объединения специалистов по профессиям: Корпус горных инженеров, Морской корпус и другие. Был и Лесной корпус, объединяющий лесничих, лесных чиновников и лесовладельцев. Поскольку почти уже 200 лет все специалисты лесного хозяйства учились в Лесном институте, оканчивали Лисинское училище и непременно проходили практику в Лисине, ему и пристало название «Корпус».

Лисино во многих отношениях является замечательным местом, его справедливо называют «колыбе-

лью» отечественного лесоводства. В нем работали многие выдающиеся ученые, здесь была царская охота. Украсили его постройки выдающегося архитектора Н.Л. Бенуа: церковь, охотничий павильон (дворец) и здание лесного училища (колледж). В лисинских лесах постоянно проходят практику студенты Лесотехнической академии и Лисинского лесного колледжа.

Последние пять лет Лисино стало еще краше. В 1995 году здесь проходил третий Всероссийский съезд лесничих, и при подготовке к нему Лесной колледж привел в образцовый порядок свое многоотраслевое учебное и производственное хозяйство. Создан прекрасный краеведческий и учебный музей. Не была забыта и духовная сторона общественной жизни: в помещении, где раньше был физкультурный зал, создана домовая церковь. Ведущая роль во всех этих делах принадлежит директору Лесного колледжа Р.С. Козыреву и директору учебно-опытного лесхоза Ю.Е. Колесникову.

В Лисино появился могучий благодетель — Владимир Петрович Гудков. На его деньги началось и сейчас успешно продолжается восстановление замечательного творения Н.Л. Бенуа — храма Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Его усилиями устроен при въезде в Лисино Поклонный крест. Восстановлена историческая справедливость: поставлен памятник основателю Лисинского учебного лесничества и лесной школы при нем графу Е.Ф. Канкрину. Много средств

В.П. Гудков вложил и в устройство домово́й церкви. И вот совсем недавно он приобрел для основного храма семь колоколов, которые уже подняты на колокольню и радуют сердца лисинцев своим звоном.

Осенью 1999 года произошло замечательное событие: у нас закладывается подворье Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря. Теперь к нам на воскресные дни и праздники приезжают священники с сестрами обители и совершают Божественные литургии и требы.

Приезжайте на праздники и порадитесь с нами.

Торжок

Моя родина — город Торжок Тверской губернии, хотя я родился не в самом городе, а в деревне Яконово в 7 верстах от него. Родители мои учились и работали в городе, да и детство я провел в Торжке, поэтому мы все новоторы и новоторжцы. Это совсем уже недавно придумали неблагозвучное название «торжковцы» или, еще хуже, «торжокцы».

Город наш древний, он на пару веков постарше Москвы. Не имею сейчас под рукой достоверных исторических источников (я их читал ранее), поэтому прошу простить некоторые изъяны памяти.

Занимая стратегически важное положение за рекой Тверцой, расположенный на крутых холмах, защищенный огромным земляным валом, Торжок ока-

Торжок. Общий вид к городскому мосту

зывался иногда непреодолимым препятствием для татаро-монгольских орд. Он задерживал их продвижение в направлении Новгорода до осени и зимы, когда силы грабителей иссякали.

Как известно, у Великого Князя Владимира, крестившего Русь в 988 году, было 12 сыновей. В Киеве княжил старший брат Святополк, в Ростове — Борис, в Смоленске — Глеб.

Слугами у князя Бориса были три брата «угрина», то есть венгра: Ефрем, Моисей и Георгий.

Желая захватить владения своих братьев, Святополк после смерти отца решился их убить. Видимо, это преступление готовилось заранее, и разные смуты происходили в дружинах князей. Поэтому угрин Моисей ушел в Киев, где постригся в монастырь, совершил

великие подвиги святости и по своей смерти был причислен к лику святых Киево-Печерской Лавры.

Ефрем ушел из дружины Бориса на север, где за рекой Тверцой основал обитель близ малого торгога, то есть Торжка.

Георгий остался со своим князем. Обманным путем Святополк лишил кроткого и доверчивого брата Бориса его дружины, подослал наемных убийц, которые и закололи копьями не оказавшего сопротивления Бориса. Своего князя защищал верный оруженосец Георгий. Его наемники тоже убили, а чтобы снять золотую гривну — подарок князя за добрую службу, отрезали ему голову. Это произошло на реке Альте в 1015 году. Несколько позже Святополк подкупил слуг из дружины князя Глеба, которого зарезал его же повар.

Самому Святополку эти убийства пользы не принесли, он получил прозвище в истории «Окаянный», был изгнан из Киева. А покорные, смиренные братья Борис и Глеб оказались первыми русскими страстотерпцами и были причислены к лику святых. Они не сопротивлялись старшему брату — коварному убийце.

Ефрем, узнав об этих преступлениях, пошел на реку Альту, нашел голову своего брата, мученика Георгия, и принес ее в свою малую обитель. Он заповедал похоронить ее со своим телом.

Я сам не раз, прикладываясь к мощам преподобного Ефрема, видел в его раке голову Георгия.

У преподобного Ефрема был ученик, преподобный Аркадий Новоторжский, который пришел из Вязьмы и подвизался вместе со своим учителем в Торжке. Его мощи находятся под спудом, то есть в земле.

Судя по летописям, начало подвигов преподобного Ефрема и Аркадия Новоторжских — 1030 год.

Помню, в народе рассказывали, что Ефрем был человеком огромной физической силы и исключительного трудолюбия. Рубил лес, один таскал бревна для строительства малой церкви, келлии и ежедневно изнашивал пару сапог (быть может, лаптей?). Только по праздникам сапоги у него оставались неизношенными.

Преподобный Ефрем скончался в 1053 году. Он назвал основанную им обитель Борисоглебской в память о братьях князьях-страстотерпцах. Обитель была многолюдна и неоднократно разорялась татарами.

В XVI веке, после очередного пожара церкви и других построек малого монастыря, братия принялась вновь за его восстановление. Помогали и новоторжцы. И тут произошло чудо: были найдены в земле нетленные мощи преподобного Ефрема вместе с головой мученика Георгия и даже некоторые личные вещи преподобного. Пролежав почти 500 лет в земле в деревянном гробу, тело преподобного сохранилось нетленным, одетым в скромные иноческие одежды. От мощей, по молитве у них, стали происходить чудеса: исцеления от болезней, спасение в пожарах, при потоплении в воде, помощь в скорбях. Об этом

донесли царю Иоанну IV Грозному. Он поручил Новгородскому архиепископу расследовать все подробно и доложить. Убедившись в истинности чудесных явлений, царь одарил обитель землями, рыбными ловлями и деньгами.

Начался быстрый рост обители, а вместе с нею и города Торжка. Новоторжские купцы стали строить церкви в своих приходах и делать взносы в монастырь. В монастыре хранились жалованные грамоты русских царей, князей и других жертвователей, рукописные и первопечатные книги; вплоть до варварского разорения святой обители коммунистами в 20-е годы XX века.

Таким образом, Торжок становился все более заметным центром торговли. В нем был построен второй, женский Воскресенский монастырь и 28 церквей.

Слава о чудесах по молитвам у мощей преподобных Ефрема и Аркадия распространялась по России. Бабушка Груша рассказывала, что встречалась с богомольцами, пришедшими в Борисоглебский монастырь из Рязанской и Псковской губерний. Мой отец очень почитал преподобного Ефрема. Когда он был еще холост, у него были тяжкие скорби (смерть от чахотки близкого друга Ивана Ильича и другие), и отец был близок к отчаянию. По совету священника он стал прилежно молиться у мощей преподобного, и скорби вскоре оставили его.

Борисоглебский монастырь находился на правом, высоком и крутом берегу Тверцы за крепостной

стеной. В нем было четыре храма. Борисоглебский собор, круглый, обширный — на три тысячи человек, оригинальной архитектуры. Он содержал главные святыни обители: мощи преподобного Ефрема в серебряной раке под балдахином и икону Божией Матери «Одигитрия». Небольшой храм XVI века реставрировался, и в него не пускали, в других храмах я тоже не бывал. С левого берега Тверцы монастырь выглядел очень красиво и величественно.

Посредине Торжка на площади находился Преображенский собор, творение Карла Росси, это был главный храм города. В нем хранились мощи святой Иулиании Новоторжской, которая сохранила супружескую честь и была за это зарублена Вяземским князем, ее домогавшимся.

В соборе мне особенно запомнилось, как читал Часы совершенно слепой молодой человек. Его приводил монах, видимо, заранее подготовив, и высокий голос слепого прекрасно звучал по всему храму.

Женский монастырь стоял выше по течению Тверцы. Бабушка Анна брала меня туда с собой; не на службу, а отдавать на простежку ватные одеяла, что сестры обители делали очень красиво.

Приходской храм деревни Яконово был посвящен святителю Николаю. Он находился на берегу Тверцы. Здесь, на кладбище, похоронены мой дед Михаил и бабка Агриппина.

С отцом или бабушкой мы ходили в мужской монастырь только на обедни. Всенощные там были

очень протяжные, по монастырскому чину, а пение — тягучим, древних знаменных распевов.

И вот мы идем по извивающейся дороге все вверх и вверх. Слева громоздится высокий земляной вал, насыпанный в древности для защиты города от татар. Справа — глубокое ущелье, за которым на крутом косогоре стоит храм Михаила Архангела. Этот храм — единственный

в городе, который не закрывался никогда: ни в годы бесчинств коммунистических банд, ни после тотального сожжения Торжка фашистскими самолетами.

За поворотом показалась крепостная стена обители, над которой высится островерхая колокольня с воротами под нею. Справа, внутри монастыря, стоят оштукатуренные постройки. На стене одной из них — яркий образ Нерукотворного Спаса. Вход под башней колокольни длинный, на стенах — изображения во весь рост древних преподобных синайских отцов. Их лица истощены подвигами и постом, а бороды тянутся до земли.

1926 г.

В Торжке очень любили разводить голубей. Недаром на гербе города изображены голубиные стаи. Голубеводством увлекались не только мальчишки, но и многие зрелые люди. Разводили декоративных — шоколадных, белых, с дутым зобом голубей, но более всего ценили турманов, которые, поднявшись выше облаков, там кувыркались. Бывало, на улицы выходили десятки людей полюбоваться этим бесшумным, мирным зрелищем, а счастливый хозяин свистом поднимал стаю, и все радовались.

Зачастую во дворе соседнего дома несколько мужчин собирались «на сыгровку» с домрами и балалайками. Мы, мальчишки, очень любили сыгровки, слушали их с замиранием сердца, и родные русские мелодии запоминались на всю жизнь. «Вдоль по Питерской», «Не брани меня, родная», «Барыня», «Хуторок», «Мой костер», «По Дону гуляет казак молодой» и множество других мелодий мы вспоминали потом под «талыанку» на войне. Их, оказывается, знали и москвичи, и брянцы, и новгородцы, и сибиряки, и оренбуржцы, и мы — новоторы. Что пришло на смену истинной самодеятельности? Увы!

Девушки выходили послушать музыку; под танцевальные мелодии танцевали, а вот пение у них как-то не получалось: то стеснялись, то не знали слов. Мало-российская народная песенная культура куда ярче!

Но вот наступал канун двенадцатого праздника. Вечером все (люди нашего круга) готовились идти ко всенощной. Ждали колокольного звона. А поскольку часы у всех ходили по-разному, а радио не

было, ожидали первого удара колокола на колокольне собора. Сразу раздавался звон во всех храмах города, особенно выделялись басовитые удары большого колокола в монастыре и прекрасные звуки колокола нашего храма Священномученика Климента, папы Римского. Складывалось возвышенное настроение, близкое к восторгу, сердце устремлялось к Небесам.

Мы с бабаней спешили в храм, стоящий совсем рядом. Обычно не успевали к «Восстаните», но «Блажен муж» и, главное, стихиры на «Господи возвах» переносили меня в другой, святой и радостный мир, в котором растворялось все мое сознание. Более всего я любил стихиры гласа 1-го, 4-го, 7-го, но слов я не различал, хотя наш хор пел прекрасно. Размеренно и торжественно шла служба, и я начинал уставать, а когда тушили свет и читалось Шестопсалмие, я уже тормозил бабушку: «Скоро ли конец?»

Чаще всего у меня не хватало терпения отстоять службу до конца, а у бабушки не доставало терпения от моих дерганий ее за рукав, и мы возвращались домой. Здесь у Анисьи уже кипел самовар, мы пили чай с вареньем и вкусными сухариками. Эти чистые и святыя воспоминания дошкольного детства сопровождали меня всю жизнь.

Однако постепенно в городе стало возникать ощущение тревоги. Ярмарки собирали мало людей, исчезли песни в кабаках, не было карусели, даже кузницы замолчали. Вечером приходит отец и, оглядываясь, вполголоса говорит: «Забрали такого-то, он

был ранее исправником, закрыли несколько лавок и товары куда-то увезли». Мама с отцом тайно от меня и бабушки всю ночь о чем-то спорят.

Через неделю Анисья с дрожью в голосе говорит: «Два храма власти заперли, а еще в одном арестовали старосту. Рабочие забелили образ Нерукотворенного Спаса при входе в монастырь, но на другое утро он вновь появился. Народ волнуется. Из монастыря стали уходить послушники».

На другой день мы пошли за руку с Анисьей посмотреть, что за чудо происходит у монастыря. Видим, как рабочий на лестнице забеливает образ уже второй раз. Небольшая кучка женщин срамит его, кричит что-то и Анисья. Но рабочий молчит и делает свое дело. Говорят, что образ проявился на другой день вновь, народ собрался и кричал (тогда это было не так опасно, как после). Наконец власти, которым было нестерпимо видеть икону или знамение Креста, велели отбить и отскрести штукатурку с постройки.

Затем рассказывали, что в монастыре происходят удивительные вещи. Архимандрит ночью молился в своей келлии. Вдруг с удивлением видит, что запертая дверь неожиданно отворяется. Утром ему принесли телеграмму из другого монастыря, что его родной брат, там подвизавшийся, прошедшей ночью скоропостижно умер. Впрочем, вскоре и сам архимандрит умер от болезни горла.

В Торжок назначили на служение архиерея. Мы ходили в собор, где литургию совершал старенький

Дом бабани в Торжке

епископ Палладий. Однако власти стали закрывать много церквей, арестовывать клириков, а некоторые священники сами отрекались от служения.

Дома нарастала постоянная тревога, напряженное ожидание худшего. И оно посыпалось кругом: монастырь закрыли, стали разграблять, монахов разогнали, нескольких посадили. Мощи преподобного Ефрема Новоторжского, почитаемые народом 400 лет, увезли. Люди куда-то жаловались, писали просьбы об их возвращении, в том числе и мой отец. В то время советская власть в Торжке еще только набирала силу, и тогда жалобщикам просто не ответили. Несколько позже их за это просто уничтожили бы.

К этому времени наша семья собралась переезжать в Калашниково, куда маму направили работать. Но там еще не оборудовали квартиру, и мы жили то в Яконове, то в Торжке, то в Калашникове, с переездами, перевозкой имущества. А нас у родителей было трое.

Бедная бабана переживала свою трагедию. Ее, за владение домом, обложили таким налогом, который она выплатить никак не могла. Продала бы кое-что из имущества, но никто не покупал: более состоятельные семьи сами метались, ожидая арестов и репрессий непонятно за что. Пролетарии брали все даром, моментально проматывая. Мы собрали совместно денег, сколько могли, и заплатили налог за месяц. А между тем бабане стали угрожать уже арестом, она готова была оставить дом. Но где жить? От переживаний умерла верная Анисья.

Отец наш понял, что в этой ситуации собственность иметь опасно и передал свой дом в Яконове украинцу Скориченко с условием, что тот будет платить только налоги, а нам — ничего. Бездетный Скориченко бежал со своей родины от «народной власти». Но его жена — темпераментная хохлушка, вскоре что-то загуляла, и Скориченко исчез. Потом нашлся старательный Федот Михайлович, отец шестерых детей и поэтому человек бедный, но не пролетарий. Он бежал из колхоза, но старшего сына выучил на механика, и тот содержал всю семью.

Бабушка Груша тоже страдала в этом смятении. Совершенно неграмотная, больная женщина прожила свой век в родном Яконове на земле. Теперь выну-

ждена уезжать в чужое Калашниково, в недоделанную квартиру, да еще в зиму. Причитания, слезы и вздохи без конца...

В Торжке умерла бабаны. Мои родители ее похоронили, и власти дом национализировали. Так окончился первый этап моих воспоминаний о Торжке.

В деревне Владенино доживал свой печальный век слепой старик Алексей Дмитриевич Сергеев, участник еще Первой мировой войны.

Он мне рассказал, что у него был родственник, некий Николай, человек «беспокойный», как выразился о нем Сергеев. Пьяница и вор везде лез устанавливать свои порядки. Семья его бедствовала, и жена совсем с ним измучилась. С организацией колхозов этот Николай, бросив семью, уехал в Торжок. Там он вступил в ВКП(б) и активно включился в разорение церквей и богатых домов. Приезжая в деревню, он стал привозить деньги, ризы от икон, золотые вещи.

Однажды этот Николай, приехав, стал похваляться: «Недавно мы громили мужской монастырь в Торжке, и, хотя меня до главных ценностей не допустили, я ухватил коленную чашечку от костей вашего святого преподобного Ефрема». Эту чашечку от мощей Николай-кощунник использовал в качестве пепельницы. Поразительно примитивное кощунство этого человека, хвастающего тем, что превратил святыню, которой 400 лет поклонялись русские люди, в пепельницу.

Впрочем, скоро партия послала Николая в Сибирь реквизи́ровать хлеб у сибиряков. Оттуда пришло

письмо, что этот Николай заболел сыпным тифом и положен в больницу. На этом память о беспокойном Николае исчезла. «Смерть грешников люта» (Пс. 33).

После того, как большинство наших родственников в Торжке умерли, оставался еще в Яконове дом Ильи Трофимовича — брата бабушки Груши. Но и тот пустовал. Старший сын дяди Ильи — Андрей, танкист, погиб на фронте. В бою ему разорвало тело. Второй сын, и мой близкий друг, Алексей, тоже танкист, оставшийся в живых, служил где-то на Камчатке. Младший сын, Ефрем, рвавшийся на фронт, там моментально и погиб.

Наша семья, уехав в Калашниково, боялась и вспоминать о доме бабани и отцовском доме в Яконове, который как-то переходил из рук в руки и пропал (для нас).

Торжокские власти взялись за реконструкцию города. В монастыре устроили центр «светлого будущего» — тюрьму. Многочисленные храмы города пытались приспособить под склады, мастерские и т.п., но их было слишком много, чтобы «освоить», пришлось взрывать. Но первым долгом с них снимали кресты, которые коммунистам было невыносимо видеть. На их место ставили почему-то палки, символизирующие ум райкома и его отметку по поведению. Торговля прекратилась с гибелью деревни, и город наполовину обезлюдел.

Невдалеке от Торжка на Большой шоссейной дороге стояло село Медное. Там, в церкви, служил отец моего друга о. Геннадий Рубцов. Скоро он и храм бы-

ли ликвидированы. А Медное прославилось тем, что там известный Генрих Ягода (или Ягода, преемник Ежова) устроил место массового захоронения своих жертв. Чтобы доказать свою неустранимость, Ягода построил себе дачку рядом с могилами замученных им людей. Но недолго процарствовал изверг, и скоро «друг народов» отправил его в преисподнюю.

Палки вместо крестов

В ходе Отечественной войны фашисты подошли к Торжку совсем близко, дойдя только до Медного. Но в город не вступили.

Зная, что Торжок безоружен и ничем не защищен, фашисты послали эскадрильи самолетов, которые сожгли сразу более половины города.

Спустя еще несколько десятков лет я поехал к своему другу, кузену — Соловьеву Алексею Ильичу. Теперь Яконово стало новоторжской улицей Чехова. Над нею круглые сутки гремит Московский вертолетный полк «черных акул». Невдалеке — обьездное шоссе дороги Москва—Ленинград.

Сам Алексей печален. Раненный на фронте, он служил еще командиром танковой роты, и на Камчатке сгубил здоровье свое и жены. Дети разъехались. Жена недавно умерла. А он, бедный, дослужился лишь до майора. Летом обут в валенки, — зябнут ноги. Я знаю, что это показывает слабое кровоснабжение ног. К Новому году я послал ему поздравление. Письмо вернулось с пометкой: «Адресат выбыл». Ясно куда.

Пошел я в город. Через Тверцу построен, невдалеке от первого, второй мост, на четырех быках. Старый мост, построенный 150 лет назад, на заклепках, стал ненадежен. В городе ходят автобусы, улицы заасфальтированы. Вид Торжка приличный. Его портят лишь обезображенные церкви. Народу на улицах мало. Некоторые старые каменные дома начали разбирать, но дело остановилось. Отрадно хоть, что не видно «хрущевок» в городе. Построен завод лаков и красок.

Тюрьма в монастыре уже не вмещала лиц, подлежащих исправлению. Ее новые здания построены подальше от города. Теперь в монастыре устроен центр принудительного лечения алкоголиков. Увидел я там сплошную мерзость. Келлии монахов превращены в помойные ямы. В древнем храме содержат свиней.

Долго я чистил ботинки о траву, а затем пошел вниз под монастырские стены на берег Тверцы. Небольшого посада из 3–4 домиков там уже нет, зато бурьяны напоминают молодняк ели — едва пройдешь. Сверху, с горы, в реку низвергается зловонный

поток с кожевенного завода имени товарища Леккерта. Кто этот Леккерт, оскверняющий город своим именем и Тверцу ядовитым ручьем? Но вот на высоком берегу Тверцы показалась деревянная церковь Вознесения Господня, и я повернул обратно.

Интересно было видеть монастырскую стену вблизи. От атмосферных невзгод, за века, кирпич стены стал разрушаться, а известковая связка

осталась. Теперь стена напоминала пчелиные соты.

Пошел я дальше безжизненным, заброшенным берегом Тверцы. Вижу остатки кирпичных стен, наверно, здесь была часовня. Безлюдье, одни релейники и крапива.

Совсем недавно, 31 августа 2003 года, довелось мне ехать на автомобиле через Торжок. Мы очень спешили, но хотелось хотя бы сфотографировать церковь Пророка Илии на Ямской улице. Спрашиваем милиционера: «Где Ямская улица, на которой стоит храм Пророка Илии?» Он отвечает, что такой улицы в городе нет и церкви такой он не знает. «Так вот же она,

Церковь Вознесения Господня

Храм пророка Илии

церковь. А на какой улице мы стоим?» — «Это улица Дзержинского». Вот так раз! Улица, которая пролегает на шоссе Москва — Санкт-Петербург и на которой было много ямов, то есть ночлегов и харчевен для проезжающих, вдруг переименована спустя 200 лет. По этой улице ездили и здесь останавливались все великие люди России: Ломоносов, Пушкин, Гоголь, императоры, от Петра I до Николая I, иностранцы, да и простой народ.

И вдруг она недавно переименована! Вообразим: ученик пишет «Радищев путешествовал из Петербурга в Москву по улице Дзержинского».

Наверное, торжокские городские власти долго скребли затылки, как бы пострашнее переименовать улицу древнего города. Троцкого? Нет, Пол Пота? Остановились на «Железном Феликсе», который сначала уничтожал родителей, а потом трогательно заботился о сиротах.

Что же находилось в храме Пророка Божия Илии, мы так и не узнали: было поздно, и мы спешили.

Торжок особенно успешно развивался до постройки Николаевской железной дороги — и как торговый центр, через который проходил путь, связывающий две столицы России, и как остановочная станция для лучших (и не только) ее умов.

Река Тверца была судоходна, по ней было устроено пассажирское и грузовое сообщение, которое я еще помню. Но вот по ней погнали в довоенные годы молевой сплав. Тверца перестала быть судоходной, а вырубка лесов в ее верховьях нарушила водный режим реки.

В городе процветали различные ремесла: обувное, швейное и художественное. Особенно славились золотошвейные мастерские, получавшие высокое признание на международных выставках в Турине, Лондоне, Париже.

Многие места в Торжке и его пригородах связаны с именем А.С. Пушкина. Не раз, путешествуя из Петербурга в Москву, великий поэт останавливался в гостинице Пожарского. Помните: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке, жареных котлет отведай и отправься налегке». Н.В. Гоголь тоже рассказывает юмористическую историю о пожарских котлетах. Пушкин не только ночевал в гостинице, но и писал из нее письма своим знакомым: Вульфам, Полторацким, Олениным.

Отсюда он отправлялся в гости в окрестности города к своим друзьям: в Оленино, Баранью Гору, Премухино, Берново, Малинники (помните: «Хоть малиной не корми, но в Малинники возьми»).

*Здесь похоронена
Анна Петровна Керн*

В новоторжских краях были имения богатых дворян, известных архитекторов и других людей, оставивших свои имена в истории России: Н.А. Львова, В.П. Стасова, Полторацких, Бакуниных, Олениных, Врангелей.

В городе популярен маршрут автобуса в Прутю. Прутя — небольшой погост на реке Тверце, прославившийся не тем, что здесь в храме служили предки известного Бориса Андреевича Соловьева (он же «граф Прутенской»), но местом захоронения А.П. Керн. Анна Петровна нашла здесь свой вечный покой. И если бы не блеск гения, осветивший ее в молодости («Я помню чудное мгновенье...»), теперь мало кто бы знал, что эта женщина была на земле.

Чего я не могу припомнить в Торжке, так это людей в военной форме. Господь сохранил город от фашистских оккупантов. А поэтому и от еще более страшных репрессий.

Все-таки в моей памяти дорогая родина — Торжок — навсегда связана с ощущением мира и покоя.

Вразумление

У нас в Лисине был зарегистрирован православный приход, а постоянного священника еще не было, и митрополит Иоанн благословил приглашать священников из других приходов для совершения молебнов и треб.

Мы просили настоятеля Тосненского храма протоиерея Иоанна Сологуба приезжать к нам. Это был очень простой, ласковый и смиренный батюшка, ныне покойный. Все сразу же прониклись к нему любовью и уважением. Православные — и не очень — женщины чрезвычайно любили поверять ему свои скорби, беды и обиды. Он очень по-простому старался разрешать их, по возможности выполняя все просьбы. С ним приезжали «тосненские соловушки» — сестры Батурины, и молебны, крещения и отпевания собирали довольно много народу.

Служили нечасто, примерно раз в месяц. Летом молились в храме, где к осени становилось неуютно: не было окон. Тогда стали собираться в здании сельсовета, но там помещение было каким-то чужим, а также во дворце.

Батюшка, заботясь о нашей не очень-то ревностной пастве, предложил исповедовать и причащать старых и немощных людей. Он заранее спрашивал накануне по телефону, сколько будет исповедников, но мы как-то постоянно занижали их количество, да еще приносили младенцев. Иногда оказывалось, что на всех недостает Святых Таин.

Постепенно у нас стали исповедоваться и причащаться вполне здоровые и нестарые люди. Наконец я наедине и говорю священнику: «Батюшка! А не причащаются ли некоторые наши люди во грех, не подготовившись достойно к принятию Таинства?» Он и отвечает мне: «Я и сам вижу, что иногда к Таинству приступают здоровые люди, которые могли бы приехать в церковь в Тосно и причащаться более достойно. Но я не берусь судить народ и не могу отказать людям в возможности спастись. Пусть уж грехи народа ложатся на плечи пастыря. Я молюсь Господу, чтобы недостатки и грехи людей хотя бы в совершении Таинств он возложил на меня».

И вот Бог явил чудо вразумления меня, дерзнувшего рассуждать о том, что не входит в мою компетен-

цию. Через день после причащения внезапно скончалась Анна Степанова, вдова плотника. Она казалась всем вполне здоровой, сама приходила в церковь.

И здесь заступлением священника Господь помиловал ее.

Рассказ бабушки Ольги

Когда-то в далекие-далекие детские годы я жил у своей бабушки Аграфены Трофимовны в деревне Яконово, что в 7 верстах от города Торжка. У бабушки была старшая сестра Ольга, которая еще в начале XX века вышла замуж за питерского рабочего Тимофея и с тех пор жила постоянно в своем большом городе. Но вот муж ее умер, и Ольга наконец решилась на старости лет съездить на свою родину в Яконово, где у нее жили братья Парфений и Илья и сестра Аграфена со своими семьями. Они были простыми крестьянами: бедствие колхозов тогда еще не поразило Русскую землю.

Мне было лет 7–8, я многого еще не понимал, но некоторые из рассказов бабушки Ольги мне запомнились. Мне очень хотелось узнать о таком большом городе Питере, как называла его бабушка Ольга. Мой отец поправлял ее: «Ленинград». — «Нет, Питер!» — твердила бабушка.

Среди других историй бабушка Ольга вспоминала, как оказавшись из деревни сразу в огромном го-

роде, ей было трудно там жить. Да и со свекровью не ладилось. Отраду она находила только в церкви, где все было просто и понятно, душа отдыхала от городской суеты. Там скоро у нее появились подружки, и она попросила сводить ее ко святым местам. Но в Санкт-Петербурге были огромные соборы, великолепно украшенные храмы, но местных святых не было. Великий князь Александр Невский прославился ведь не в Петербурге. Как же так, у нас в Торжке и то трое святых: преподобные Ефрем и Аркадий Новоторжские и святая княгиня Иулиания Новоторжская? Но подружки рассуждали, что Петербург — город столичный, новый и развращенный, и не сподобился иметь своих святых.

Потом Ольге сказали, что есть святой человек — священник в Кронштадте, и она поехала туда. В Андреевском соборе литургию совершал отец Иоанн Сергиев, Иван Кронштадтский, как она говорила, но собор был так переполнен народом, что ее зажали в углу и она мало что слышала. Потом на площади и на обратном пути все люди, простые русские мужики и бабы, только и рассуждали о проповеди, молитве и чудесах Пастыря, который не чурался самых бедных, порочных и несчастных людей.

В другой раз она попала на службу о. Иоанна удачнее и слышала его пламенную проповедь, от которой все, даже мужики, плакали. Но причаститься из рук отца Иоанна не сподобилась.

И это бабушка Ольга рассказывала спустя 20 лет после кончины Пастыря: такое почитание его, как

святого, было распространено среди всего простого русского народа. Мой отец любил читать книгу отца Иоанна «Моя жизнь во Христе», и у меня сохранилась поблекшая теперь фотография отца Иоанна тех лет.

А теперь, спустя еще 70 лет, уже мне вспомнился рассказ бабушки Ольги.

Воистину: «В память вечную будет праведник».

На приеме у Владыки

Первые шаги по возрождению православного прихода в Лисино начинал приехавший к нам Евгений Васильевич Малышев. Он имел уже некоторый опыт в этом деле.

Вначале дело у нас пошло неожиданно успешно. Народ собирался на собрания при поддержке администрации поселка, шли дебаты, собирались подписи. Открыли счет в Сбербанке, и туда Лисинский учебно-опытный лесхоз перечислил из своих прибылей 100 000 рублей, потом СУ-6 — еще 50 000 рублей.

Митрополит Иоанн дал благословение на открытие прихода при храме в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Затем Владыка благословил приглашать священников из других приходов для совершения треб и молебнов.

Нашелся и подрядчик для восстановления храма — малое предприятие «Русь», с которым мы заклю-

чили договор по ориентировочной смете на 170 000 рублей. Правда, «Русь» состояла из пьяниц, но более серьезные предприятия, узнав наши возможности, и говорить с нами не хотели.

Но вдруг (вернее, не совсем «вдруг») все стало рушиться. Гайдаровские реформы, «шоковая терапия» стремительно обесценили российские деньги. Малышев уехал в Ярославскую епархию, народ стало трудно собрать даже на молебны. Наши пенсионеры, опытные в жизни, крепче прижались к земле, копая огороды, разводя коз и кроликов.

Но у нас появился добрый пастырь — протоиерей Иоанн Сологуб — настоятель тосненского храма Казанской иконы Божией Матери. Понятно, что он, занятый в своем городском храме, редко бывал у нас, но мы приобрели в добром, любезном и бескорыстном отце Иоанне молитвенную и нравственную опору.

С директором предприятия «Русь» Н.А. Крюковских мы договорились, что при нашей немощи отгородим западную часть храма с притвором, где настелем пол и будем молиться. С кровлей, штукатуркой и подвалом, где было 1,2 метра воды, нам сейчас не справиться. Пошли «с шапкой по кругу» в поселке и набрали 1500 рублей — по рублю!

Наш «актив» прихода рассыпался: многие заболели, кто вовсе умер, и у всех огороды, огороды...

Многokrатно ездил я в епархию со своими скорбями и не раз бывал у секретаря Митрополита — архимандрита Симона, который давал дельные советы,

помогал богослужебными книгами и рекомендовал полностью находиться в послушании у нашего пастыря, о. Иоанна.

А о. Иоанн настаивал, чтобы мы принимались сразу за работы во всем храме. Но у нас не было денег даже на заделывание проломов пола.

Снова и снова ездил я в епархию и, видимо, вовсе надоел архимандриту Симону, у которого проблем было несравненно больше, чем у нас.

Неудачи приводили к унынию, руки опускались.

Толкаясь в коридорах Духовной Академии и разговаривая со многими священниками и простым людом, я узнал, что не так давно прибывший Митрополит Иоанн (Снычев) — чрезвычайно доступный всем приходящим, помогающий в нуждах, ободряющий, милый. Однако Владыка чрезмерно занят в Петербурге и Москве, работает над книгами, полемизирует и не всегда здоров физически. Служа в храмах города и совершая хиротонии, он не имеет викария, а вся хозяйственная жизнь епархии лежит на плечах о. Симона.

Мне подсказали, что Владыка завтра приедет из Москвы и после литургии в Троицком соборе будет принимать посетителей.

Митрополит принимал народ в домашней церкви на первом этаже Академии.

Отворяется дверь, и выходит улыбающаяся, прямо-таки сияющая женщина. Захожу и я, помолился на иконы и обращаюсь к Владыке за благословением. Он сидит у стола в подряснике. Видно, что бледен и устал.

Говорит мне:

— Бог благословит. С чем пришел?

Я вынимаю из конверта рисунок нашего храма, выполненный архитектором Н.Л. Бенуа с надписью «Проект Православной церкви в Лисинское Учебное Лесничество». Далее: «Во время присутствия Государя Императора (Александра II) в Л.УЛ. (в Лисинском Учебном Лесничестве) вечером 20 октября 1858 года Его Величеству, по рассмотрении сего проекта, благоугодно было сказать мне: “Церковь мне очень нравится”. Архитектор Н. Бенуа». Рисунок этот, предмет нашей гордости, мы всем показывали.

Однако митрополит откладывает его, не смотря, в сторону. Тут я принялся излагать наши трудности и горести, видимо, с излишними подробностями (как я понял потом). А Владыка слушает, не перебивая. Наконец говорит:

— Денег у нас в епархии, конечно, больше, чем у вас. Однако, нам скоро предстоит празднование 250-летия Санкт-Петербургской епархии, и туда пойдет много средств. Сейчас помочь не могу, но если дальше будет невоготу, приезжайте, помощь окажем. Только не оставляйте начатого дела, молитесь, и Господь поможет.

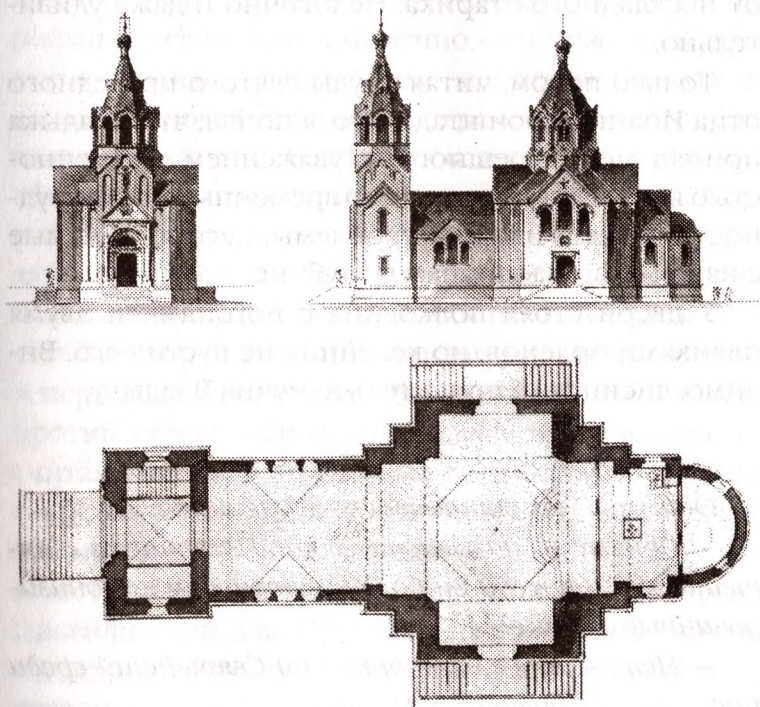
Опять я достаю рисунок Бенуа, но Владыка вновь устало откладывает его.

Тут я говорю, что наш пастырь, протоиерей Иоанн Сологуб, настаивает, чтобы мы вели восстановление всего храма, а мы сможем сейчас подготовить

Проектъ Православной Церкви въ Лисинское
Уездное Лисичество.

Во время присутствія Государя Императора въ Л. У. Л.
всерай, 20. Октября. 1858. году, Его Величества, по рассмотреніи
сего проекта, благоусоуди было сказать мнѣ "Церковь мнѣ очень
правится." —

Архитекторъ Н. Бенуа.

к богослужению только его западную часть. Владыка отвечает:

— Скажите отцу Иоанну, что я благословляю, чтобы при вашей скудости подготовить к службе хотя бы часть храма. Собирайте народ Божий, и уверяю, что возрождение Церкви пойдет успешно.

С его словами, вообще-то рядовыми, я чувствую прилив сил, вдохновение к продолжению начатого дела и радость!

Почему бы это, ведь Владыка мне отказал в непосредственной помощи? А я, растроганный до слез, бросился целовать его голову, и он не отстранился от нескладного старика. Нелогично и даже удивительно.

Только потом, читая труды святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, я понял, что Владыка принял меня, грешного, с уважением, искренностью и простотой, вникая во временные наши трудности и отложив свои проблемы, несопоставимые с нашими по масштабам и глубине.

У двери стоял полковник с погонями и двумя планками орденов, но келейник не пустил его. Видимо, лисинский проситель измучил Владыку.

* * *

Один человек спрашивает священника:

— Почему вы называете своего Патриарха «Святейшим»? Неужели он более святой, чем канонизированные святые?

— Нет, — отвечал тот, — он Святейший среди нас.

Недостойн

Семья наша в довоенные годы жила в Лочкине, в 3 километрах от районного центра Лихославля. И приблизительно в 30-е годы нам некоторые местные женщины рассказывают, что в селе Владычня служит старенький священник отец Митрофан. Они говорили, что это великий молитвенник, исповедник, всем нуждающимся подающий добрый совет. Однако народ видел, что отец Митрофан находится в уединенной Владычне под негласным надзором местных властей и активистов-коммунистов. Хотя отец Митрофан вел себя очень смиренно, осторожно и мудро, люди замечали, что за ним ведется непрерывная слежка. Впрочем, это были те времена, когда все священнослужители и клирики оказывались как бы вне общества, власти стремились отсечь от народа Церковь. Но тогда еще много было православного народа, выросшего и воспитанного в духе истинной веры и благочестия, не поддающегося нажиму врагов России. Вспоминая детские и юношеские впечатления, я теперь понимаю, что это были годы борьбы власти против своего народа. Большевицкая власть, не считаясь ни с какими законами и нормами морали, истребляла само понятие совести у людей; страхом, ложью и насилием сгоняя народы России в противостественные колхозы и наскоро слепленные города. Правили силы зла. При этом лучшие люди Родины подвергались репрессиям целыми семьями. Иные успевали бежать за рубеж. Царствовали пролетарии.

Православная Церковь, конечно, молилась, вразумляла, поддерживала благой дух народа, потому-то на нее и были устремлены самые ожесточенные атаки. Ныне сказываются плоды той злобы: существование многих людей ниже прожиточного минимума, на смену совести — срам, вместо мысли — наркотики, культуру сменила «попса», здоровье вытесняет спутник содомии — СПИД.

У нашей мамы (а она в семье была лидером) было два опасных пункта в биографии: во-первых, она относилась к интеллигенции (врач), а интеллигенция, как «прослойка», была чужда и подозрительна пролетариям; а главное — она была дочерью священника, правда, умершего еще в 1926 году. Поэтому она редко и тайно посещала церковь, хотя, будучи верной дочерью своего отца, дома мама молилась, иногда соблюдала посты и воспитывала троих детей в Православии. Впрочем, она была вся поглощена работой в амбулатории, стационаре и во всевозможных комиссиях: надо было содержать семью. Наш отец был более прилежным христианином, но часто болел, менял место работы и более занимался домашним хозяйством.

Мы сначала были прихожанами Покровского храма в городе Лихославле, а после его закрытия — храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в селе Ильинское.

Нам часто говорили, каким прозорливым, мудрым и духоносным старцем был отец Митрофан. Собщали, что он прямо-таки творил чудеса. Говорили, что отец Митрофан безуспешно увещевал какого-то

богохульника, который вскоре попал под поезд. Он также исцелил какую-то девицу. Других случаев не припомню.

Итак, первая причина, по которой мы не попали под окормление отца Митрофана, был страх. Конечно, повседневные хлопоты и заботы не оставляли времени в достатке, но в Ильинское-то мы ходили.

Однажды, не помню когда и как, к нам пришли две пожилые странствующие монахини, и я с ними отправился во Владычню на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Однако отца Митрофана мы почему-то не застали, литургию совершал другой священник. Монахини поэтому очень скорбели, но встреча наша так и не состоялась.

Теперь известно, что отец Митрофан (как его звали в народе) был архимандритом Сергием (Сребрянским), духовником известной Марфо-Мариинской обители в Москве, сподвижником преподобномученицы Елизаветы. После разорения обители архимандрит Сергей ушел во Владычню, подвергался ссылкам и вновь вернулся во Владычню, где служил в Покровском храме до его разорения. Скончался он в 1948 году, его могила привлекает многочисленных паломников. В 1999 году архимандрит Сергей прославлен в чине местнопочитаемых святых — исповедников Тверской Епархии.

Такое чудо Господне прошло близко от меня, и я его оказался недостоин.

По окончании учебы в Лесотехнической академии я приехал в 1948 году на работу в Лиси-

Ольга, апрель 1946 г.

но-Корпус. В отпуск я всегда ездил к своим родителям и посещал храм в селе Ильинском. Там служил исповедник митрофорный протоиерей отец Сергей Дмитровский, проводший много лет в ссылках в Заполярье. Он однажды и говорит мне: «От вас ведь Вырица недалеко. В ней подвизается известный старец, молитвенник иеромонах отец Серафим. Вот бы вам съездить к нему».

А у нас в семье сгустилась страшная беда: у моей сестры Ольги был точно установлен лимфогранулематоз (злокачественное поражение лимфатической системы). Болезнь редкая, неизлечимая. Оле было 19 лет, когда она заболела, ее трижды возили лечить в Ленинград в Институт им. Рентгена, где она и умерла в 1950 году, на 22-м году жизни.

Но я поехать в Вырицу тогда так и не собрался. Теперь думаю, это был Божий Промысл: если бы Преподобный прозорливец предсказал скорую неизбежность смерти молодой страдальцы, это только усугу-

было бы нашу скорбь. Если бы обнадежил, потом появились бы сомнения.

Ныне иеромонах Серафим прославлен в лике святых, и мы ездим на его могилу в Вырице.

Отец Иоанн

Мою мать по окончании института отправили работать врачом на станцию Калашниково Октябрьской железной дороги. Поселились мы во втором этаже деревянного дома, принадлежащего некогда купцу. Отец мой поступил работать счетоводом в сельпо, а я в 1928 году только что пошел в школу.

В Калашникове был небольшой деревянный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, построенный, видимо, при создании Николаевской железной дороги. В этом храме служил протоирей отец Иоанн Тугаринов. Ему было, кажется, около сорока лет и у него была большая семья: пятеро детей, и все мальчики. Младший недавно родился, старшему было 14–15 лет, и он не учился, старался помочь семье, работая на случайных заработках. На постоянную работу его не брали из-за несовершеннолетия. Второй мальчик, Вася, был помоложе меня на год и учился в нашей школе.

Калашниково разрослось вокруг стеклозавода, рабочие которого жили скученно, в бараках и своих домах. В те времена в стране была карточная система,

и для поддержания своих семей люди заводили скот, раскапывали огороды, но поселок был для этого слишком тесен. Поэтому приход был бедным.

Семья отца Иоанна получала иждивенческие карточки и жила очень скудно, буквально впроголодь. Лишь иногда крестьяне из окрестных деревень, где жили карелы, привозили к празднику батюшке мешок картошки или ржи, сала или яиц.

Мой отец был верующим человеком и старался воспитать нас с братом в православных традициях. Поэтому мы с детства соблюдали посты, ходили в церковь, которая была совсем близко. Колокольный звон уже дома возносил чувства в Небеса и рождал особое состояние духа.

Отец Иоанн был чрезвычайно приветливым, добрым, общительным человеком. Немудрено, что семьи наши быстро подружились. Помню, как отец Иоанн хорошо пел дома русские песни, читал нам интересные книжки о китах, о плавании во льдах кораблей, а мы с Васей что-то мастерили.

Но постепенно в поселке и в школе стала разрастаться антирелигиозная кампания, которая особенно усилилась, когда примерно в 1929–30 году обнаружилось, что в Калашникове «свили свое гнездо вредители». Директора завода Пузанова, нескольких инженеров, председателя ВИК (волостного исполкома) и еще кого-то посадили, а на смену им откуда-то приехали чужие люди.

За ношение креста, посещение церкви в школе начали высмеивать, «прорабатывать». В изобилии

появились брошюры и толстые книжки богохульного Губельмана. За рождественские елки штрафовали. Через улицу был повешен лозунг: «Пусть празднуют Пасху кулаки и нэпманы, трудящимся религия не нужна!»

Семью отца Иоанна власти старались изолировать, но авторитет священника был достаточно высок, и народ любил своего пастыря. Мы не переставали дружить семьями и ходить по праздникам в церковь, но делали это преимущественно тайком, обходя улицу за садом и сараями.

Неожиданно оказалось, что наш учитель Брусов — «шпион», а аптекарь Гусев — «эксплуататор», так как имел еще до революции аптекарский киоск, и их куда-то выслали. Наш завуч Антонов тоже оказался «врагом народа».

Мы стали бояться. Мама моя была ведь дочерью священника, умершего, правда, еще в 1926 году. А за отцом водились в молодости кое-какие «левоэсерские» грешки, хотя он и был сыном батрака.

1930 г.

В деревнях развернулись коллективизация и раскулачивание. В стране сгустилась атмосфера страха. Это был «год великого перелома» — как точно назвал «отец перелома» то время, когда был сломан позвоночник России. От этого катаклизма наша страна не может оправиться и доселе.

И вот однажды вызывают отца Иоанна в ВИК и говорят: «Трудящиеся поселка решили закрыть церковь, помогите нам в этом». Понятны негодование и отказ священника.

Тем временем в Калашникове появилась среди детей скарлатина, которая разрасталась в эпидемию. Моя мать организовала отдельный барак — и принесла инфекцию в дом. Я заболел скарлатиной, переболел ею и начал понемногу поправляться, у меня стала слезать чешуйками кожа. В школу я еще не ходил и очень скучал дома один. И однажды, не послушав родителей, я вышел ранней весной на балкон и жестоко простудился. У меня открылось крупозное воспаление легких, кровохаркание. Современных эффективных средств лечения тогда еще не было, все больше горчичники и банки. Мой организм был совершенно ослаблен скарлатиной, и я умирал.

Между шевелящимися кошмарами помню то держащего меня за руку отца, то рыдающую маму, она-то знала, что я обречен. Вдруг сквозь жар и удушье я вижу себя стоящим перед высоким четырехконечным крестом, как бы чугунным. Неожиданно этот крест ломается посередине и на месте перелома появляется

Калашниково, 1932 г.

небольшой золотой Крест. «Целуй, целуй его», — кто-то говорит мне. А это, оказывается, отец Иоанн исповедовал меня и причащал Святых Таин. Сразу после этого я стал быстро поправляться.

Лежу я дома, поправляюсь, и слышу, как родители, приходя с работы, шепчутся: «Забрали такого-то, а этих вызывали». Отца Иоанна вызывают и предлагают только одно — отказаться от священства. Его уговаривают: «Вы же грамотный, толковый человек, расстригитесь, и вам будет предоставлена достойная работа весовщиком на зернопункте или счетоводом на стекольном заводе». Но он не соглашается никак. Приходят домой, пытаюсь склонить матушку, но та только плачет.

Понемногу отцу Иоанну начинают угрожать, но он уверен, что за ним никакой вины нет. «А мы вину найдем, ведь мы с вами так долго мучаемся из гуман-

ных соображений, учитывая вашу многочисленную семью». Но отец Иоанн тверд в своих убеждениях.

Тогда его арестовали ночью, увезли в районный центр Лихославль и там судили закрытым судом. Как было сформулировано обвинение и каков приговор, не знаю, да и было ли это обнародовано — сомневаюсь.

Можно представить глубину страдания и ужаса несчастной семьей Тугариновых! Что переживал отец Иоанн, оставляя своих маленьких мальчиков и беспомощную жену, известно только Господу. Мы, как и многие другие православные, только молчали и дрожали. Исчез достойный пастырь. А месяца через два от него пришло письмо откуда-то из Казахстана. Содержания не помню.

В школе учителя стали третировать девятилетнего Васю, злые дети колотили его как «сына врага народа». Я только плакал, видя это, лишь иногда пытаюсь заступиться. Вася стал плохо учиться и оставил школу.

Потом от отца Иоанна пришло второе письмо, и больше писем не было. Семья Тугариновых собиралась уехать куда-то: то ли к его, то ли к ее брату. Но те сами жили тяжело. Отъезд Тугариновых я как-то не помню. Наверно, условия заключения Иоанна были жестокими, поскольку он, человек здоровый и нестарый, замолчал в течение года, прислав всего два письма.

В своем сознании я сравниваю подвиг отца Иоанна с подвигом святой мученицы Софии, которая, со-

переживая страданиям за Христа своих дочерей, сама от этого скончалась.

Вскоре после ареста священника храм подвергся разрушению. Сбросили колокола, причем большие долбили кувалдами. И этот звон и скрежет врезался в мою память навсегда. А саму церковь разобрали на бревна и доски. Но от этого ужасного зрелища отец увез меня к бабушке в Торжок.

Удар

В начале 90-х годов я был избран председателем церковного совета нашей маленькой общины, и мне пришлось тогда немало повозиться в новообразованных бюрократических структурах в Тосно.

Однажды понадобилось срочно заполнить декларацию о доходах в налоговой инспекции. Но какие же наши доходы? Постоянного священника нет, изредка приезжает тосненский батюшка, служа молебны и совершая требы. Он отказывается от оплаты, видя нашу нищету. Но мы же «юридическое лицо»!

Хожу из кабинета в кабинет по бесчисленным чиновникам, все чрезвычайно заняты, отсылают куда-то еще, иные вообще бормочут непонятные мне слова. А я еще считал себя грамотным!

Так и проходил я с какими-то бумажками в руках до обеда, когда вся чиновничья братия дружно перестала со мной разговаривать, многие кабинеты были

заперты и все опустело. Сажу в коридоре, тщетно пытаюсь отыскать смысл в бланках, которые мне дали.

Неожиданно ко мне подходит некая сотрудница этой конторы и говорит, видя мой удрученный вид: «Вы приехали из Лисинской церкви?» Внезапно я почувствовал в ней человека, а не деталь компьютера. «Да. Ничего не понимаю». И она принялась мне истолковы-

вать, что надлежит вписать в соответствующие графы. Так за полчаса мы с нею все бумажки и заполнили, я расписался где надо и печать поставил.

Ну, думаю: взяточница, подхалтурила в обед, сколько запросит? А она мне и говорит: «Во всех осложнениях с налогами обращайтесь в комнату №7 к Наталье Федоровне (имя условное). Она будет рада помочь Церкви. Недавно она крестилась, стала прихожанкой христианкой, изменила свою жизнь, постоянно ходит в церковь, постится. Так подействовала на нее страшная беда: ей привезли сына в цинковом гробу из Афганистана». Да, подумал я, ошеломленный, Господне вразумление, но очень уж тяжкое!

Моя собеседница покраснела и продолжала: «У нас многие сотрудницы стали задумываться, сочувствуя несчастной матери. У нее есть еще дочь, которая хотела уехать учиться, но осталась при матери. Вот и у меня подрастает Дима. Поэтому я и сижу здесь с вами», — и она заплакала.

Больше я ни в какие инспекции не обращался: приехал отец Владислав, который и принял на себя эти заботы.

До войны в Ильинском

Когда в городе Лихославле храм в честь Успения Пресвятой Богородицы был закрыт, на его колокольне устроили парашютную вышку. Тогда отец стал нас водить в церковь Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ильинском. Это было в 8 километрах от нашего дома.

Кто был в ту пору настоятелем храма — не помню. Приблизительно в 1936 году сюда приехал служить протоиерей Александр Тихонравов с матушкой, совершенно незаметной, скромной женщиной, вскоре скончавшейся. Прибыл он из Ленинграда.

Отец Александр был высокого роста, с редкой бородкой, худощавый. Его громкий голос был слегка надтреснут. Проповеди его были просты и коротки, с народом он был ласков, и прихожане его очень любили.

«Двадцатка» храма в Ильинском

Однажды, когда мы возвращались домой, отец говорит мне: «Не заметил ли ты какой-либо особенности в службе священника?» В другой раз, во время ектении, отец Александр произносит: «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, *в темницах заключенных*, и о спасении их Господу помолимся». Мы догадались, что молимся за мучеников, проходивших страсти в то лютое время.

В Ильинском был замечательный хор, свои особенные напевы. Выделялся прекрасный талант Марии Тимофеевны Воробьевой. У нее был не только редкий по красоте голос, но и удивительное умение, Божий дар, доносить слова песнопений до сознания верующих. Этот дар встретился мне спустя лет 40 у

Нины Алексеевны Кирьяновой. Но обе они, увы, покойные.

Сейчас этот дар, как мне представляется, есть у Нины Николаевны Исаковой в Новгороде. Особенно гремел на весь мир, в свое время, подобный талант у итальянского мальчика Робертино Лоретти. Но я, вроде, уехал в сторону.

Понемногу дома я стал пробовать читать Библию по-славянски, но титлы, незнакомые слова, ударения на каждом слове, зачастую несовременные, смущали меня. Отец меня в этом поощрял и радовался моему интересу. Сам же он читал плохо и неправильно.

Однажды отец попросил отца Александра наставить меня в церковно-славянском чтении, и тот очень обрадовался этому. Но было несподручно: мы жили далеко. Иногда мне приходилось ночевать в Ильинском у наших старинных приятельниц, пожилых учительниц Надежды Федоровны и Веры Владимировны.

В храме чтением служила старенькая Пелагея Никитишна. Она была очень прилежна и прекрасно знала службу, но у нее почти не было зубов и ее чтение было недостаточно хорошим. Она также наставляла меня. И вот однажды сказала отцу Александру: «Пусть Сережа попробует читать Часы». Батюшка благословил меня на это. Начал я читать и сразу запутался, хотя под рукой была моя наставница, вспотел и попытался сбежать. Отец Александр вышел из алтаря, обнял, погладил меня по голове — и дело пошло. До войны я был очень робок и стеснителен. В дальней-

шем постепенно, под руководством старушки, находившей мне тропари и во всем помогавшей, я стал посмелее и наладил чтение Часов и Шестопсалмия. Особенно меня удивляла глубина мысли псалма «От лица Твоего судьба моя изыдет» (Пс. 16) — и это до сих пор.

Но волки подбирались к Божьему храму: резко увеличились налоги и ограничения, на службу стали приходить чужие, сразу заметные люди. Они не могли долго терпеть Божественной службы и быстро уходили. Атмосфера сгущалась, народ боялся новых вражьих посланцев.

По вечерам отец Александр стал служить Акафист Божией Матери пред ее иконою «Знамение». Хотя и редко я бывал в Ильинском вечером, вижу, священник плачет, произнося: «Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая».

Летом решили побелить храм снаружи, наняли рабочих, которые взяли деньги и не брались за работу. Это были специально нанятые провокаторы.

Вскоре отца Александра арестовали и осудили на 15 лет. Говорили, что ему ставили в вину молитвы о страдальцах того времени, а также то, что он был когда-то духовником некоего князя в Петрограде. Говорят, пастырь-мученик прожил после суда всего 15 дней и скончался.

Храм все же почему-то не закрыли, священники менялись, и ко времени войны в нем остался отец Михаил Веревкин, который служил всю войну и после нее до самой смерти. А фашисты до Ильинского

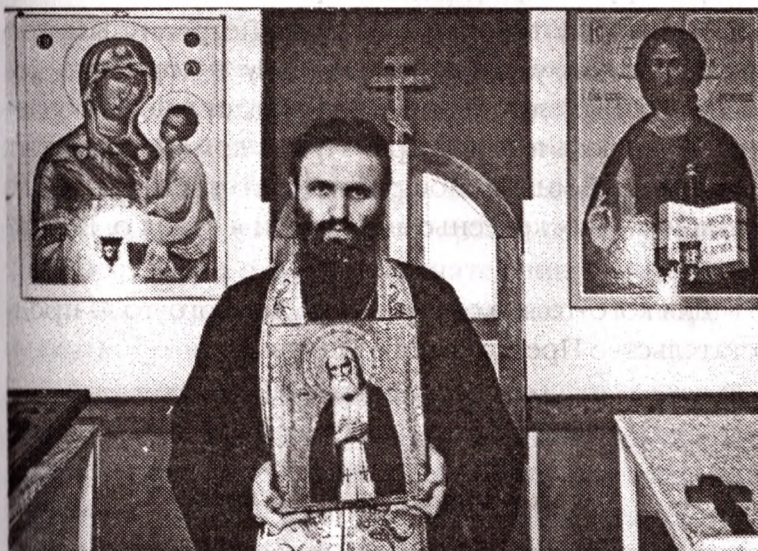
не дошли всего 20 километров, что спасло от разорения и репрессий народ Божий.

Службы в Ильинском совершаются доселе.

Случай?

В 1994 году к нам настоятелем в храм был назначен о. Владислав Кумыш, который начал совершать молебны и акафисты в храме Происхождения Древ Животворящего Креста Господня. Но летом литургии еще не совершались.

Накануне праздника Обретения честных мощей Преподобного Сергия Радонежского о. Владислав ве-

Отец Владислав, ныне — иеромонах Нестор (Кумыш)

чером 18 июля читал Акафист Преподобному. Однако иконы преподобного Сергия в храме еще не было, и поэтому я принес из дома свою икону — дореволюционное изображение святого на картоне.

Вечером возвращаюсь домой, а икону положил под рубашку, к телу. Прохожу мимо дома Гудкова, слышу, там поют песни, идет веселье. Вижу, к решетке ограды подходит сам хозяин.

«Здравствуйте, Владимир Петрович».

«Здравствуйте. Это шум по случаю дня рождения моей жены. Что же вы не обращаетесь ко мне за помощью для храма?»

Я отвечаю, что вижу его редко, да и ходить с протянутой рукой при каждой встрече как-то неловко.

Ничего не говоря, Владимир Петрович быстро пошел домой, уведя от меня собаку — хорошего добермана. Выходит через минуту и дает мне пачку денег. Кланяюсь и благодарю. Придя домой, посчитал. Оказалось 5 миллионов рублей того времени. Через день-два, в воскресенье, все деньги я отдал о. Владиславу.

Для кого-то это случайность. Для кого-то — предстательство Преподобного Сергия.

Храм Христа Спасителя

Моя мама по каким-то делам иногда ездила в Москву. Я без конца просился, чтобы она и меня взяла с

собою. О Москве я уже много читал, потому что научился читать задолго до школы. Наконец, после того, как я совершил какой-то хороший поступок (не помню какой), она взяла меня в столицу. У нее там жила подруга Таня на Садовой-Спасской улице, и была возможность переночевать. Дело было в конце 20-х годов. Отец настойчиво просил нас сходить в Храм Христа Спасителя, о котором он много слышал и читал.

Ехали мы очень долго в каком-то ужасно шумном вагоне с узкими окнами, люди входили и выходили, а мы устали, и у нас с мамой разболелась голова. Наконец, уже вечером, мы приехали. На вокзале нас ожидала Таня, наша знакомая, которая повезла нас на трамвае домой. Здесь все было удивительно: вагоновожатый непрерывно звонил, нажимая педаль ногой, а женщина-кондуктор пыталась прогнать мальчишек, которые прицепились сзади вагона.

На другой день до вечера была сплошная скука. Мама ушла по делам, Таня отправилась на работу в свою клинику, а я сидел в комнате один, смотря в окно на стену другого дома и прислушиваясь к ссорам в соседних комнатах.

Но вот уже в сумерках пришла мама, мы с нею наскоро поели и отправились в город. Нас, робких деревенских жителей, постоянно толкали и обгоняли москвичи. Из проезда внезапно выскочила машина, и мы под нее чуть не попали. Но все равно кругом было необычайно интересно. Автомобили мчались по улице, издавая рывкающие звуки клаксонами, а сзади

них горели красные огоньки. Откуда здесь столько народа и машин? Куда все спешат? Мама мне что-то говорила, но я ее не слышал среди городского шума.

Вот мы остановились у громадной лестницы, поднялись по ней. Мама велела снять шапку, открыла огромные двери, и мы вошли в слабо освещенную церковь. Стены ее и иконы я не разглядел. Пространство храма было почему-то разгорожено красными бархатными веревками на подставках. Видимо, шла вечерняя служба, и пел хор. Людей здесь почти не было. Мама подвела меня поближе к стене, и я разглядел вверху большие иконы. Затем мы подошли к образу на уровне глаз, и она мне говорит: «Это икона Нерукотворного Спаса, написанная замечательным художником Михаилом Васильевичем Нестеровым». При свете лампад я рассмотрел благодатный, радующий душу взгляд Спасителя, вошедший в мою память навсегда.

Есть много нерукотворных образов Спаса: аскетических, грозных, страдальческих, но икона, написанная Нестеровым, сразу поражает взгляд милостью, любовью к молящемуся перед ней человеку, вносит мир и благодать в душу. Мы приложились к ней, и мама сразу заторопилась: в Храме Христа Спасителя служат «красные», то есть обновленцы, и нам быть на их службе — грех. Так я не увидел и не услышал священника, только запомнился стройный хор, поющий очень протяжное песнопение. Мы вышли на паперть — целое поле с гладким полом. Тем временем появилась луна, и при ее свете стала видна колос-

сальная гора Храма, даже трепет охватил душу. Мы спустились со ступеней, и я опять залюбовался непрерывно сыпавшимися красными огоньками от потока автомобилей.

Спустя пять лет враги России взорвали великолепный Храм и вознамерились на его месте поставить гору постепенно уменьшающихся бочек, на верх которых должен был вскарабкаться идол. Но у варваров произошло то же, что и у древних вавилонян.

Прошли годы, и Господь вернул нам дивный храм, и какой-нибудь мальчишка так же задирает голову, подходя к великолепной, громадной лестнице.

Алешенька

Недалеко от нас, у дяди Сережи Попова, купил дом профессор. Понятно, что для обустройства своей дачи он часто обращался к нам с мелкими нуждами. Так мы познакомились.

Это был очень интересный человек, представитель старой интеллигенции, большой эрудит. Он участвовал в экспедициях академика В.Н. Сукачева и в свое время был знаком со многими выдающимися учеными. Я многим ему обязан в смысле развития логики, познания исторической правды. Мы много с ним ходили в окрестностях Лисино, сажали деревья, обсуждали текущие события, спорили.

*Профессор А.Д. Гожев,
1960 г.*

Его жена была больна наследственной нервной болезнью, которая замечалась и у старшей дочери. Младшая дочь была замужем. Со своим зятем, который часто уезжал в длительные командировки, профессор не очень ладил. Поэтому его мы в Лисино видели редко.

У молодой четы родился долгожданный Алешенька, и врачи предупредили, что других детей у них может больше не быть.

Профессор любил Лисино, деревенскую жизнь и поэтому большую часть времени проводил в лисинском доме, где и писал свои труды по физической географии. У профессора был автомобиль «Победа», на котором он нередко ездил в Ленинград.

А всеобщим любимцем был единственный внучек Алешенька, в котором дедушка души не чаял. Всегда прогуливался с ним за ручку, рассказывал о травах, жуках и бабочках, играл с ним и укладывал спать. Мальчик действительно был очень милый, красивый, послушный. Видимо, надеясь, что Алешенька пойдет

по стопам деда-путешественника, профессор купил ему редкую, дорогую вещь — французское дамское ружьецо ручной работы со стволами из звездчатого дамаска.

Когда Алешеньке исполнилось 3 года, его мать отправилась на работу в Ленинград, оставили ребенка на попечении старшей сестры и заботливого деда. Здесь была тишина и чистый воздух, ребенок пил парное молочко, кушал овощи прямо с грядки. И вот Алешеньке исполнилось 4 года. Однажды из города позвонили, что из длительной командировки вернулся отец ребенка, соскучился и очень хочет его видеть. Тетка повезла мальчика в Ленинград.

Вдруг на другой же день пришла телеграмма, что Алешенька умер. Деду стало плохо, но он ринулся в Ленинград.

А произошло вот что. Днем, как всегда, мальчика положили спать. Спал он обычно один час, но тут что-то разоспался и через два часа продолжал спокойно спать, лежа на боку. Постепенно все стали тревожиться, тормошить ребенка, взяли его на руки, а он все спал, вялый и непробуждающийся. Вдруг из кабинета профессора раздался крик тетки: «Ужас! Вот в чем причина!» Оказывается, Алешенька подставил табуретку, забрался в дедову шкатулку с лекарствами и скушал 12 таблеток венгерского успокаивающего и снотворного средства. Взрослому разрешается принимать до двух таблеток. Вызвали «скорую помощь», которая немедленно увезла ребенка в реанимацию.

Ему делали всевозможные промывания, уколы, но, несмотря на все усилия врачей, он так и уснул навсегда.

И тут как-то все оказались виноваты перед умершим: отец — зачем вызывал мальчика из Лисино, где он был в безопасности, мать вспомнила, что забыла запереть дверь в кабинет деда, тетка не присмотрела за шалуном. Но больше всех сокрушался дед, который сильнее всего на свете любил Алешеньку, чувствовал, что у него рухнуло упование на продолжение рода.

И много времени спустя после похорон профессор горестно восклицал: «Как страшно: я не имею веры, что вновь увижу внука! Вера дается всем, а я ее потерял в молодости». Он быстро сдал, перестал заниматься наукой и скоро умер от гипертонического криза.

Жизнь берет свое. Мать Алешеньки активно лечилась, ездила на курорт, и вот у нее родилась дочка, затем вторая, и семья восстановилась.

Но в моей памяти навсегда остался вопль несчастного профессора: «Зачем я потерял свою веру?»

Локотцы

Вспоминаются мне давние наши поездки с мамой в Локотцы. Целью их была организация фельдшерского пункта в этом селе.

О Локотцах тогда говорили, что там находится самый благополучный в районе колхоз, хотя и мало-

численный. В небольшом селе, где живут, в большинстве своем, родственники, люди знают друг о друге все подробности. В основу их взаимоотношений заложена совесть.

Поэтому здесь личные хозяйства объединены как бы в одну дружную семью, и каждый колхозник заботится об общественном как о своем личном. Здесь нет очень богатых или нищих семей, но все — благополучны. Поэтому отсутствует зависть, а значит, свары и скандалы, и исконная крестьянская хозяйственность распространяется на землю, скот и все имущество колхоза.

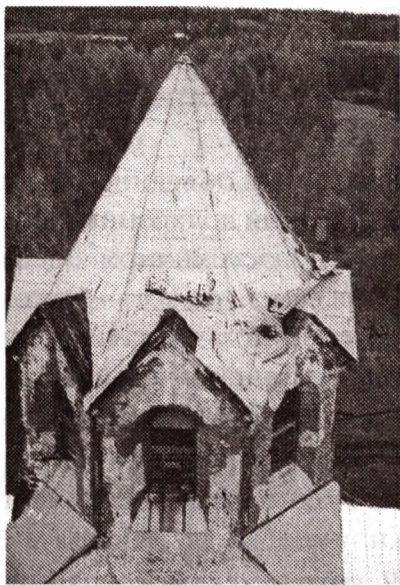
Так дома говорили папа с мамой, да и в районе и школе Локотцы ставили в пример.

Очень важно, что в Локотцах с самого начала председателем колхоза был избран Федор Семенович Березкин, человек безукоризненной честности, хозяйственный и прямой.

Его отец скупал у крестьян шкуры коров и овец и отвозил их в Торжок на кожевенный завод, поэтому жил богаче других. За это его уничтожили еще во времена Троцкого.

Строгого, но справедливого Федора Семеновича колхозники крайне уважали и стояли за него горой. И если бы не их дружная защита и благоразумие районных властей, то и он, как сын «эксплуататора», отправился бы вслед за отцом.

Березкин не состоял в партии, несмотря на многочисленные призывы. Это позволяло Локотцам сажать картошку, теребить лен, косить сено и случать

коров вовремя, без указаний из райкома и даже обкома. А вот «красный обоз» Локотцы везли всегда первыми.

В нашем районе расширялась сеть фельдшерских пунктов. Руководители района предполагали устроить такой пункт в большом колхозе Виноколы, но в него никто не соглашался ехать на работу. Издавна шла худая слава о деревне с символическим названием: вина, мол, напьются и кольями дерутся. Да и под пункт отводили разграбленный дом давно раскулаченного человека.

Предварительно договорившись с Березкиным, мама предложила устроить фельдшерский пункт в Локотцах.

Туда хотела ехать Домаша с матерью. Домна, или Домаша, как все ее звали, была старой девой, без специального медицинского образования, но, будучи от природы исключительно добрым и добросовестным человеком, она проработала в стационаре и амбулатории около 30 лет. На Домашу всегда можно было положиться. Ее даже ставили ассистировать сложные операции, и она оставалась у постели

больного, не глядя на часы. А о дополнительной оплате люди того времени, не слышавшие еще о «гуманизме» и «правах человека», попросту не догадывались.

В Локотцы очень хотела переселиться старенькая мать Домаши, бросив свой развалившийся ветхий дом в Лихославле. Дело в том, что в Локотцах было две церкви: старинная деревянная во имя Анны Пророчицы и каменная, недостроенная, которую не один десяток лет строил отец Березкина, да не успел, сгинул. В старую церковь иногда приезжали священники из Торжка, Вышнего Волочка или Твери. В Лихославле же на месте храма уже тогда была парашютная вышка.

Федор Семенович предлагал под медпункт и жилье Домаши с матерью дом своего отца, пятистенок, сохранившийся от разграбления.

Ездили мы в это село не один раз, обустроивая пункт и привозя медикаменты.

Однажды приходит запыхавшаяся женщина и говорит, что в храм откуда-то приехал священник и начинает службу. Мама отпустила Домашу с матерью, с ними пошел и я, а сама мама не пошла.

В темном приземистом храме с шатающимися половицами батюшка служил молебен, но обедню служить не мог. Сам читал и пел. Запели и Домаша с матерью, сразу получился небольшой, но стройный хор. В церковь сбегались люди с поля, где шел сенокос, бросив там грабли и вилы. Потом принесли мно-

го записок «за здоровье» и «за упокой». Батюшка принялся их читать очень долго, и я сбежал.

На другой день батюшки уже не было. Говорили, что он уходил из Ярославской области от ареста. Березкин советовал ему идти дальше, в Выдропужск, где была чудотворная икона Божией Матери.

Близ Локотцов протекала небольшая, но шустрая речка Локотёнка. Деревенские одноклассники позвали меня купаться. Эх, и хорошо же было прыгать с горюшки в омут! Пришли девчонки и стали нас гнать с этого места, но мы не уходили, так как в других местах Локотёнка была по колено. Девчонок было много, и пока мы с ними спорили, одна из них унесла наши штаны и бросила их в воду, а другая завязала порточины моих штанов и намочила, так что их было не развязать. Едва не началась драка, но пришла какая-то старушка, стала срамить девчонок и прогнала их. А мы озябли и пошли по домам.

Один из внуков Березкина учился с нами. Ну и отчаянный мальчишка был этот Ванька Беря (как его прозвали)! Учителя страдали от его проделок, но у Бери была прекрасная память и смекалка, учился он хорошо.

Зимой мальчишки катались с гор на лыжах, а я боялся. И вот Ванька Беря на спор понесся по крутому лесистому склону, и случилась беда. Он ударился головой о березу. Болел очень долго и отстал от нас на два класса.

В те годы (1935–1938) в колхозах внедрялись МТС (машинно-тракторные станции), которые

должны были облегчить труд земледельцев. Но поначалу дело шло медленно и плохо. Отсутствие специалистов-механиков, неуклюжая тяжелая техника, привычка колхозников к работе на лошадях, раздробленность полей делали работу МТС неэффективной. А когда МТС представляли счета за проделанную работу, колхозы попросту разорялись. Но партия упорно давила на колхозы, внедряя МТС.

Осторожный Федор Семенович всеми силами уклонялся от этой напасти, его убеждали и без конца вызывали в район, но он упорствовал. И хотя Локотцы по-прежнему первыми выполняли все задания по зерну, льну, сену и мясу, Березкину стали грозить. Кончилось тем, что его арестовали и отправили куда-то на знаменитые «стройки коммунизма».

В Локотцы прислали откуда-то сугубо партийного руководителя, слабо знающего деревню горожанина. Однако Локотцы хоть и сдали по всем позициям, но продержались до войны: сказался характер местных жителей.

Фашисты немного не дошли сюда. Деревня (уже не село) с трудом восстановилась, и даже колхоз остался. И только враг России Н.С. Хрущев уничтожил Локотцы, соединив в один колхоз Виноколы, Локотцы, Бочки, Починки и еще две деревни.

Теперь на этом месте несколько дачных домиков да груда заросших кирпичей из недостроенного храма в честь Анны Пророчицы. А поля, раскорчеванные еще перед самой войной, зарастают ивой и ольхой.

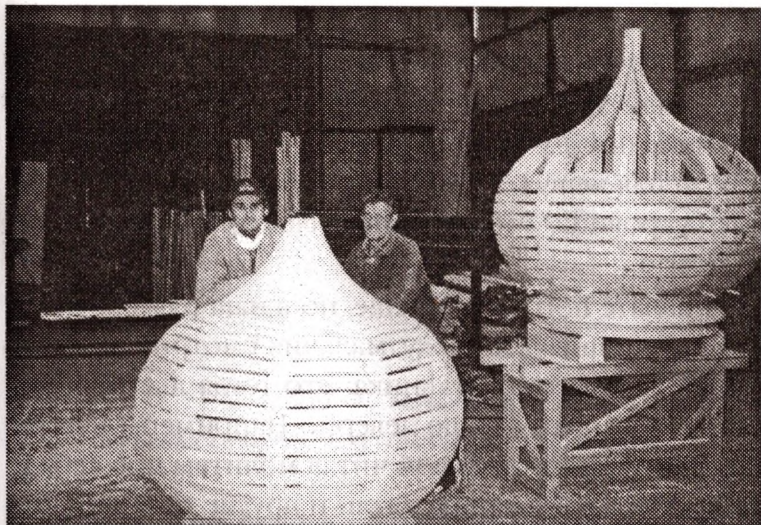
Послушник Виталий

Лежать в больнице — не самое веселое занятие. Еще когда испытываешь боль — время проходит в борьбе с нею, вроде ты при деле. А когда постоянной боли нет — скучно, одолевает и тоска. Сходишь на процедуры, сдашь анализы, ждешь обеда (без аппетита по своей и повара вине). Еще спасибо, сон выручает меня. Сплю здорово, по делу и не по делу. А за это благодарю Геринга, который хотел меня прихлопнуть тяжелой бомбой, да промахнулся. К вечеру ждешь дочь Иринку — отрада!

Народ в палате все неинтересный: одни уткнулись в свои беды и страдания, другие оживленно обсуждают, как скверно идет приватизация и т.п., иные злы на все на свете.

Вдруг в палате появился пожилой еврей — очень интересный человек. В прошлом он — классный инженер-электронщик, организатор производства на «Светлане». Мыслит глубоко и соображает мгновенно. Но все сугубо практично и по-еврейски прагматично. С ним интересно поговорить и поспорить, от него очень многое можно узнать о современной технике, перспективах ее развития и о влиянии науки на общественную жизнь. С ним время летит, как птица. Но увы (или ура), подозрительные симптомы у моего собеседника не подтвердились, и его выписали.

Опять отлеживаешь один бок и поворачиваешься на другой. Однажды я спал, повернулся, открыл глаза —

и не поверил им: на соседней койке лежит монах, совсем молодой. С тревогой озирается. Руки у него ярко-красные, видимо, вымазаны каким-то препаратом. Другие больные (а нас шестеро) с недоумением, а некоторые с презрением смотрят на него. Все молчат. А у меня потекли слезы: Господь послал мне на соседнюю койку единомышленника.

Немного полежав, юноша достал из кармана иконку, поставил ее на тумбочку и стал читать Правило. Все разошлись в курилку и коридор. Лишь я остался лежать, испытывая радость и отраду. На мою тоску спустился зримый ангел.

Прочитав Правило, мальчик сел, и мы заговорили. Я кратко рассказал о себе. Он говорит, что он послушник Всехсвятского скита Валаамской обители. Имя — Виталий. Он повар, и от того, что руки его по-

стоянно мокрые, их покрыла жестокая экзема, от которой его лечат какой-то красной жидкостью.

Пошли обедать в столовую, к нашему столику никто не садится: у Виталия с кистей рук иногда отлетает красная чешуя, а с моих ног временами капает на пол сукровица. Это не прибавляет другим больным аппетита.

В палате поговорили еще, но в наш разговор никто не вмешивался. Вижу, мальчик смотрит на меня как на какого-то наставника. Это тогда льстило, но, как я понял потом, было неверно. Например, глядя на меня, Виталий в столовой читал молитвы про себя и не крестился. Наверное, были и другие промахи. Но он продолжал читать Правило в свое время, убирая потом иконку Одигитрии. Я не участвовал: во мне сидел рефлекс, унаследованный от социализма.

Отраду мне Виталий принес на много дней. Именно тогда, в больнице, я описал, как хоронил своего отца, и дал ему почитать. Он сразу отметил слово «вдруг», которым я отмечал этапы Господней помощи в той моей невероятно трудной, мучительной работе.

Подошел канун Введения в храм Пресвятой Богородицы, совпавший с выходным днем. Виталий захотел сходить на всенощную на Подворье Валаамского монастыря. Но спохватились-то мы поздно. Разрешения взять не у кого, а главное, сестра-хозяйка, у которой заперты все наши одежды, давно ушла. Я говорю: «Ничего не выйдет». Виталий говорит: «А вдруг?» — и улыбается. Ушел и вернулся по окончании всенощ-

ной, когда все двери больницы были заперты. Говорит, что все происходило «вдруг». Оказывается, ему необходимо было именно в этот день побывать на Подворье: навигация в связи с ледоставом закрывается, и завтра на Валаам отправляется последний теплоход. На другой день и мой ангел улетел на Святой остров.

Как я изгонял Александра Сергеевича Пушкина

Семья наша жила в поселке Калашниково на железной дороге Москва — Ленинград. В школу я пошел в 1928 году. Наша школа была начальной, четырехлетней и называлась «школа крестьянской молодежи» (ШКМ). Нас дразнили «школа косолапых медведей».

Первой нашей учительницей была Вера Александровна Антонова, жена завуча школы Александра Артемьевича, у них было четверо детей. Наша Вера Александровна была полная, добрая женщина, и мы ее любили, а вот Александра Артемьевича — не очень, за его строгость. Кто-то сочинил даже стишок: «Математика — наука, непонятная для нас. Александр Артемьич — щука, а жена его — карась». И вдруг Александра Артемьевича как-то сразу не стало, а Вера Анатольевна стала очень плаксивой — чуть мы только разбалуемся, она плачет. Жалко ее, и я даже ее главному обидчику, Коле Федорову, разбил нос. Дома мне шепотом

«Школа косолатых медведей»

сказали, что Александр Артемьевич — враг народа и его забрали, и чтобы я об этом никому не говорил.

В нашем классе висел портрет А.С. Пушкина, и мы украсили его веночком из плаунов и брусничника. Однажды Вера Александровна пришла и говорит: «Наш замечательный писатель А.С. Пушкин — гордость нашего народа, и мы всегда будем учить его стихи, читать его повести, сказки. Но он был дворянином, а наша школа — пролетарская, и пришло распоряжение из РОНО снять со стен все портреты дворян. Сережа, ты больше всех, встань на парту и сними портрет Пушкина». И она опять заплакала. Я снял портрет, и мы поставили его за шкаф.

В школе нас учили, что Шаяпин, Куприн — белоэмигранты, «не наши», Есенин — плохой человек, пьяница. О Рахманинове, Бунине, Коровине, Сомове мы не слышали вообще никогда. Если в семье и гово-

рили о них или о других «не наших» деятелях отечественной культуры, даже о Достоевском, Лескове или Чайковском, то шепотом, и строго учили никогда не упоминать о них в школе.

Мы никогда и нигде не слышали слов «милосердие», «сожаление», «кротость», «сочувствие», «мир», «доброта».

Всегда только «ненависть», «месть», «борьба», «гнев», «беспоощадность».

Даже Гоголь, Лермонтов в массовых изданиях никогда не печатались полностью. Мы не знали, что были А.К. Толстой, А.А. Фет. Авторы наших хрестоматий — Неверов, Сейфуллина, Гладков... Где они ныне?

Сеанс Кашпировского

Где-то теперь жрец лукавого Кашпировский? Притих, а может быть, где-то продолжает свою пагубную работу.

Не так давно, когда на смену опозорившимся коммунистическим мифотворцам ринулись разношерстные маги, колдуны и волшебники, Кашпировский изливал сатанинский яд с экранов телевизоров. Тогда мне довелось пережить такой случай.

Я лежал в больнице. В нашей палате было шестеро мужчин. У одного из них был небольшой переносной телевизор, а общественный телевизор в коридоре был, как обычно, сломан.

Однажды вечером к нам в палату стали собираться женщины.

— Чем объяснить такую радость?

— А это нас пригласил Семен Аронович посмотреть сеанс Кашпировского по своему телевизору.

Дежурная сестра тоже пришла к нам лечиться с голубого экрана.

Куда деваться? На лестнице так густо накурено, что кружится голова, в туалете долго стоять как-то утомительно. Пошатавшись с больной ногой по коридору, я подумал: «Так на мне же крест, я знаю защитные молитвы, не побоюсь злых духов, изливающихся из ящика».

Начал читать: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится...», вошел в палату, лег на койку и мгновенно уснул. Сознание моментально покинуло меня, даже ничего и услышать не успел. Проснулся от гула голосов. Наши гости после сеанса вели себя совершенно по-разному. Одна, восхищенно улыбаясь, говорит: «Какой прилив сил, и головная боль прошла», но у нее как-то странно голова трясется. Другая побледнела, ей стало плохо, и она побежала в туалет. На иных колдун не подействовал. А одна бедняга стала просить сестру сделать ей укол от нестерпимой боли. Мужчины оказались устойчивее, и никто не стал делиться впечатлениями, но все дружно пошли на лестницу курить. Я же снова лег, читая многократно 90-й псалом и тропари Честному Кресту.

Грязью — в священника

Шел 1936 год. В городе Лихославле местные власти, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», закрыли храм. Священник, протоиерей Александр Дамаскин, оставался пока на свободе (позже его забрали и далеко выслали). Наступал какой-то летний праздник, и жители упросили о. Александра отслужить молебен (или акафист) в часовне, которая еще не была разорена. Она находилась в деревне Чашково в 5 километрах от Лихославля.

Народу собралось немного, 20–30 человек, одни женщины, среди которых был и я. Почему не было моего отца и вообще мужчин, не знаю. Теперь думаю, что мужчины боялись участвовать в «несанкционированном мероприятии». Тогда на российский народ, названный «советским», навалился страх.

По окончании молебна, уже ввечеру, идем домой. Вдруг из-за кустов выскакивает группа мальчишек, человек 5–8, которые выкрикивают самодельные похабные частушки и кидаются в нас грязью. Женщины стремятся защитить священника, а хулиганы норовят попасть грязью именно в него. Я прячусь за спины женщин, но длинный рост меня выдает. Отец Александр просит женщин перестать его защищать и выходит вперед. На нем и сосредотачивается поток грязи из канавы. Священник только отряхивается. Женщины пытаются пристыдить мальчишек, но это их лишь больше раззадоривает. Наконец вошли в город, и воспитанники «ленинского комсомола» отстали.

Какое удовольствие испытывали они тогда? И что ожидало их потом?

Три Екатерины

Вдоль северо-западного побережья озера Ильмень лежит густозаселенный участок суши, называемый в народе Поозерьем, или Святым берегом. И не даром. Здесь на протяжении около 30 километров было 8 приходов и два монастыря: преподобного Михаила Клопского и преподобного Ефрема Перемского. Теперь от монастыря остались руины, а храмов всего два.

На берегу озера, как в народе говорят, — на крыжу, — расположено село Курицко. Письменные источники свидетельствуют, что в 1283 году здесь останавливались пришедшие с войском к Новгороду сыновья Александра Невского — князя Димитрий и Андрей.

Лет 25 назад Божьим Промыслом мне довелось впервые поехать в Курицко в храм Успения Божией Матери. Мы созвонились по телефону с незнакомым мне тогда молодым священником, студентом Ленинградской Духовной Академии о. Алексием Лопухиным. Его назначил на время обучения в Академии на приход митрополит Антоний. О. Алексей сказал мне, что надо ехать из Новгорода на автобусе до деревни Скрипки и спросить там Екатерину Серову, у кото-

рой можно и переночевать. Дело было на Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Чтобы успеть к обедне, я поехал поездом в Новгород с вечера, а утром с первым автобусом отправился в Скрипку. Только светало, но на двери дома Екатерины висел замок. Соседи сказали, что она только что ушла: «Вы ее догоните». От Скрипки до Курицко километра четыре. Выйдя из деревни, я увидел вдали фигуру Екатерины и принялся ее догонять. Но не тут-то было, она раньше меня поспела в храм.

Каменный храм — большой, холодный, народу нет. Познакомился с батюшкой. Екатерина растопляет печь, которая есть только в алтаре. Затем Екатерина выходит, и я с удивлением вижу, что она очень низкого роста: у нее от рождения короткие ножки. Как же я, длинноногий, не смог ее догнать? Наверно, это показывает наше разное отношение к храму Божию.

Екатерина служила в храме почти с послевоенных времен: топила печь, убирала, мыла полы. Ее забота — свечи, лампы. Прислуживает она и священнику. Пекла она и просфоры.

Народу на службу собралось человек пять. Две-три женщины хорошо поют. Конечно, доход мизерный, и все обслуживание храма ведется на добровольных началах. Правда, на престольные праздники — Успение, мученицы Прасковьи — и на великие праздники собирается до 50 человек.

Так Екатерина Серова и служила при храме, пока не истощились силы. Теперь ей хорошо за 80, а на

праздники ее иногда привозят в храм на лошади, когда это сподручно.

Екатерина рассказывает, что никогда не ходила в школу, все в колхозных и домашних работах, пока была жива мать. Тем не менее, Екатерина научилась читать, и теперь мы с ней переписываемся. Хотя ее почерк разобрать трудно, но мысли все четкие и ясные, изложение их логично — сразу видно умного человека. Она держит пару курочек, а по дому ходит с двумя палочками. Изредка ей помогают соседи с дровами и водой. Добродушная улыбка оживляет ее лицо.

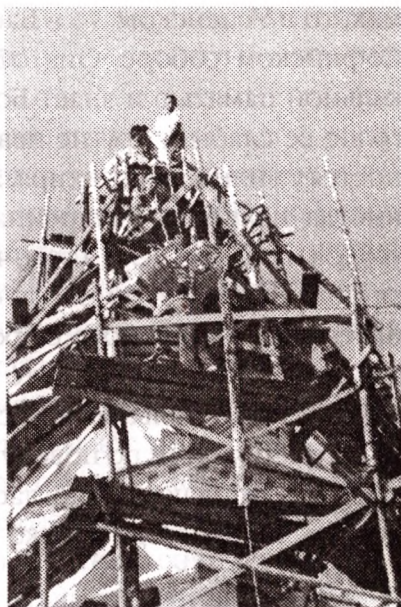
В храме трудится и другая Екатерина — Чумакова. По мере того, как Серова слабела, на Чумакову все больше ложились многочисленные обязанности и заботы по церкви. Пришлось ей стать церковным старостой, несмотря на ее четырехклассное образование. Жила она в деревне километрах в десяти от Курицко. Сначала приходила на праздники, но постепенно пришлось все чаще ночевать при церкви, а теперь и вовсе оставила свой дом племяннице и живет в церковном доме.

В храм постоянно норовят забраться воры — похитители икон. Не раз им это удавалось, но примитивные дикари крали все новые, малоценные иконы. Приходится теперь каждую ночь дежурить внутри храма, даже зимой. Сдвинут две лавки, укроются тулупом и спят. Через ночь так ночует и Екатерина.

Проржавела на храме крыша, наскребли денег и купили 200 листов оцинкованного железа, положили в сарае у Марии. Но чересчур бойкие ее внуки разо-

жгли в сарае костер, в результате сгорел дом и сарай, а все железо пропало.

Года через два снова подкопили денег, но железа достать все не удавалось. Так Екатерина одна поехала в другую область, купила там железо и привезла. Понемногу наняли мастеров, которые и храм покрыли, и колокольню, и сделали все водостоки. Господь помогает своим верным рабам.

Летят годы, и при мне в Курицко отца Алексия сменил о. Андрей, потом о. Василий; ныне служит на два прихода о. Александр. Теперь он здесь построил себе дом. А за свечным ящиком стоит, печет просфоры, убирает в храме все Екатерина Чумакова, у нее и ключи. Спасибо еще, что в храме ночует через ночь брат священника Иван. И эта Екатерина состарилась, у нее нестерпимо болят суставы (наверно, ночлеги в храме ей не на пользу).

Но она служит Богу.

В Курицко в храме часто работает и третья Екатерина — Киселева. Лет сорок назад ее муж утонул в Ильмене, и она с тех пор прислуживает в разных хра-

мах, то в Успенском, то в Васильевском, а иногда и в Софийском соборе. Она обладает отличной музыкальной памятью и знает Божественные службы, но голос ее слабый. Другие певчие спрашивают ее, как поется та или иная стихира, а потом поют по-своему, иногда невпопад. Смиренная Екатерина отходит в уголок и плачет. Дело в том, что в Курицко собираются пожилые люди, смолоду слыхавшие распевы монастыря преподобного Ефрема и монастыря преподобного Михаила. Когда-то эти обители славились своими оригинальными распевами, но эти распевы не сохранились, и по поводу музыкальной трактовки стихир возникают разногласия. Екатерина старается помочь в храме, где только может, но у нее совсем слабое здоровье.

Батюшка... поп

С Юркой Аболишиным мы дружили, потому что ходили вместе в школу, которая была в трех километрах от дома.

Однажды Юрка, весь заливаясь хохотом, рассказал, как девочка в селе Плоском насмешила весь народ. В третьем классе к ним пришла учительница и стала расспрашивать детей, кем работают их родители.

— У меня отец конюх.

— Моя мама продавщица.

— А мой отец работает в МТС...

А Надя отворачивается, вся покраснела и не отвечает. «Так кто же твой папа?» — допытывается учительница.

— Мой папа — батюшка... поп.

Здесь весь класс грохнул таким хохотом и так принялся беситься, что остановить их было невозможно. Мальчишки забегали по партам, начали драться — и это посреди урока! Бедная Надя в слезах убежала домой и сказала, что в школу больше не пойдет. Это Юрка рассказал по пути в школу.

Приходим в нашу школу, и первая новость, которую мне со смехом рассказывают друзья, о происшествии в Плоском. И на другой день снова все твердят с нехорошей радостью: «Батюшка — поп».

Вскоре священник в Плоском снял с себя сан и переехал в город Лихославль, где ему дали какую-то мелочную работу. Но стоило ему или членам семьи появиться на улице, на них сразу показывали пальцем и кричали: «Батюшка — поп».

Шел 1935 год, до Великой войны оставалось 6 лет.

Неожиданная польза церковно-славянского языка

С отроческого возраста отец принуждал нас с братом читать Священное Писание. Это принуждение с годами стало ложиться у меня на все более благоприятную почву, понемногу появился и собственный интерес. По праздникам, когда отец нам запре-

«Матросы» Сергей и Борис

щал работать и учиться, а также при температуре, кашле (что было нередко) приходилось сидеть дома. И я начал читать Библию, особенно книги Ветхого Завета: Царств, Товита, Руфь, Есфирь и другие. Апокалипсис читать запрещалось. Евангелия почему-то читались труднее, быть может потому, что к этому принуждали чрезмерно, упорно и настойчиво. А вот самая «легкая» (в моем понимании) книга Деяний как-то ускользнула то-

гда от меня. Понемногу я стал пытаться читать и на церковно-славянском языке. Истории ветхозаветной жизни увлекали, порой наводили трепет, гнев и другие эмоции. Язык и образы, зачастую непонятные, но интригующие, переносили меня в мир древности. За разъяснениями я обращался к отцу, но тот был в этом несилен.

И тут Господь свел меня с протоиереем Александром Тихонравовым, впоследствии мучеником. Хотя и жили мы далеко, и встречи наши были редкими, этот священник наставил меня на добрый путь.

Он благословил меня читать Часы, Шестопсалмие и иногда Паремии (что было особенно трудно) в храме иконы Божией Матери Знамение в Ильинском. Я поминутно ошибался, потел, но, поддерживаемый священником и настоящим псаломщиком Пелагеей Никитичной, понемногу вникал в дело. Понимая ответственность участия в Богослужении, я готовился к этому дома, заранее. В те времена все богослужебные книги были дореволюционного издания, исключительно на церковно-славянском языке.

Образцом чтения во многих храмах округа являлся старик Аристархов, обладающий прекрасным басом, дикцией, богословски образованный, талантливый человек. Но из-за пагубного пристрастия к алкоголю несчастный давно лишился сана, семьи и дома. Изредка, на Пасху, Рождество или Знамение, бедняга появлялся в Ильинском. Я с восхищением слушал его чтение. А деревенские бабы его очень любили, обстирывали, кормили и провожали, нагрузив корзинами с салом и яйцами.

Так я осваивал Священное Писание и церковно-славянский язык. Несомненно, это было благодатное действие Промысла Божия.

Потом я уехал учиться в Ленинград. Отца Александра вскоре арестовали, и он умер в темнице. Умерли Аристархов и моя наставница Пелагея Никитична.

Настало ужасное Господне прещение — война. Меня она забросила на Украину. Здесь я легко, сразу, освоился с украинскою мовою. А вот мои соратники-офицеры и солдаты сначала споткнулись, но скоро тоже наладили балакать. Однажды, отвлекшись

от внешних обстоятельств, я подумал, что малороссийский ближе к своему предку — славянскому, чем русский язык. Думается, это потому, что великорусский язык развивался быстрее, мощнее трудами таких гигантов, как Ломоносов, Тредиаковский, Державин, Пушкин, Толстой. В Малороссии дело шло медленнее, хотя и там были свои крупные писатели: Гулак-Артемовский, Гребенка, Шевченко, Иван Франко и другие. На Украине все относились к русскому языку с любовью и уважением, сознавая его силу. Считалось, что говорить по-русски гораздо красивее и «культурнее», чем по-украински. Мы, молодые ребята, хорошо это замечали в общении с местными девушками.

Откуда же взялось нынешнее угнетение и даже гонение русского языка на Украине? Мне представляется, что из того же источника, что и провозглашение «патриархом» преданного анафеме расстриги Филарета (Денисенко). Оттуда же осквернение русского языка в СМИ и засорение его «попсой» и сленгом.

Потом мы оказались в Словакии. Здесь язык так близок к украинскому, как если бы мы переехали из Костромской области в Брянскую. Чрезвычайно интересно для меня было общение со школьным учителем в Травиште, что в благодатной долине Лаборна.

Вступили в Польшу. Трудностей в языковом отношении не возникло. Корни большинства слов здесь те же, что и в Псалтири. Однако к польским словам навязли всякие «цокания» и нескладные окончания, отнюдь не украшающие язык.

В Чехии сразу возникли трудности в разговоре. Чешский язык какой-то другой, резкий, грубый, с не-

ожиданными ударениями, с пропуском в словах согласных букв. Сначала общаться с чехами казалось трудновато. Но скоро мы поняли, что корни большинства слов и здесь общие, славянские. В Дольнем Уезде, что близ Литомышля, города Берджиха Сметаны, я познакомился с католическим священником — по-чешски, князем — и имел много бесед с хитрым князем, простодушным фотографом Чижеком и мясником Кисилкой.

Так Библия на церковно-славянском языке помогла мне общаться со славянскими народами. Вот в Сербии, Болгарии, Белоруссии я не бывал и рассуждать об их языках воздержусь. Интересно, что и в литовском языке встречаются понятные нам слова, но это, наверно, влияние польского языка.

Труды равноапостольных братьев святых Кирилла и Мефодия, преподавших нам «Букву в Духе», стали удивительным рывком к объединению славянских народов. Его Божественного движения не могут остановить ни усилия лукавых римских епископов, ни «пролетарский интернационализм», ни бесчеловечная фашистская идеология.

Несчастливая Таня

До войны со мной в одном классе училась Таня Панина. Девочка тихая, флегматичная и ленивая. Помню, про нее наши остряки сочинили в стенгазету стишок: «А Панина почтенная, не выпалась, навер-

ное, укуталась в пальтушечку, тихонечко сидит». Родом она была из Ильинского.

Окончив школу, я уехал учиться в Ленинград, потом началась война, и мои годы летели как стрелы.

В войну и после войны в храме села Ильинского служил старенький старец Михаил, который вскоре умер. После него приехал отец Карп, вскоре изобличенный в неблагоприятных поступках и расстриженный тверским епископом. И вот в Ильинское назначили иерея Бориса, только что окончившего духовную школу. Это тогда было редкостью, поскольку духовных школ в те годы почти не было, и в священники рукополагали любого православного человека, достаточно грамотного и не побоявшегося принять сан ради Христа, среди всеобщего презрения и на нищенское содержание.

Прекрасно образованный, умница, отец Борис был женат на медсестре ему под стать, имел ребенка и ждал второго. Прихожане его сразу очень полюбили. Отец Борис оказался рукодельным и деятельным человеком. Он охотно помогал вдовам, которых было множество, и одиноким старушкам починить печь, поправить крыльцо, вставить стекло.

При этом он проводил, конечно, душеполезные беседы, привлекавшие соседей, да и так бывал в домах прихожан. А это было строго запрещено властями. Священник мог общаться с народом только в храме, за этим следил «сельский актив».

Поскольку в Лихославльском районе остался единственный храм — в Ильинском, в нем всегда бы-

ло много народу. А священник осуществлял свое служение ревностно и умно, что вызывало у конторы по делам религии жестокую изжогу.

К этому времени Таня окончила педагогический техникум в Лихославле, и ее назначили учительницей начальных классов в родное Ильинское. Здесь она вышла замуж и родила сына. Все шло прекрасно.

Вызывают ее в райком КПСС и говорят: «Ваш священник отец Борис много испортил нам нервов, и мы дали задание сельскому активу изболтать его в чем-нибудь плохом, но ничего не получается».

— Да, его любит и поддерживает народ.

— Вам задание — найти вину.

В селе жила вдова, прилежная прихожанка, которая пела в церковном хоре. Однажды ее сын лет тринадцати что-то серьезно напроказил, и мать отхлестала его веревкой. Шалун громко ревел. Это слышали соседи и как-то донесли в район, где журналисты районной газеты сочинили против отца Бориса статью.

Вызывают Таню в райком и предлагают подписать эту статью. В ней говорится, что священник отец Борис учит прихожан истязать детей и вообще жестокий человек.

— Да, я слышала, что мать выпорола сына, но причем здесь священник? Он человек добрый.

— И ты поддерживаешь попов? Билет на стол!

Таня статью подписала. Кто-то из коммунистов райкома тоже написал заявление. Адская машина заработала.

Собранные материалы послали в область, где отдел по делам религии представил всё правящему архиерею. Тот, скованный властями, перевел отца Бориса в Залазино. Там был ветхий деревянный храм, а батюшка умер, службы не было. Местные власти ничего не трогали, более высокие чины не знали, а народ храм сохранял. Но в Залазине не было ни электричества, ни магазина, ни автобусов, ни медпункта, ни почты, место было глухое, кругом леса. Оттуда отец Борис сообщил, что люди обрадовались ему, и он полон оптимизма, будет жить натуральным хозяйством.

Во время отпуска я поехал к родителям и пошел в Ильинское. Помогая старушке, пошел за водой на колодец. Вижу, какая-то согбенная женщина в старой шубе с оторванным рукавом берет воду. Да это же Таня, которую я едва узнал. Увидев меня, она заплакала: «Смотри, что разбойник со мной сделал».

— Кто?

— Муж.

Лицо Тани было покрыто синяками, и левый глаз заплыл. «Мучитель, пьет, из трактористов выгнали, дерется без причины. Не жизнь, а ад. Вдобавок сына посадили в тюрьму за хулиганство. С синяками не то что в школу, а на люди появиться не могу. Уволилась, бедствую», — и она расплакалась вовсе.

Через полгода мне сообщили из Ильинского, что Таня умерла дурной смертью, но как — я не понял: то ли отравилась с целью аборта, то ли от отчаяния.

А жизнь церкви в Ильинском Божиим Промыслом сохранилась. В Знаменский храм назначили протоиерея Сергия Дмитровского, недавно вернувшегося из лагерей, нашего дальнего родственника, о котором будет дальнейшая речь.

Дальний родственник

В довоенные годы, когда я учился в школе, в нашей стране, во всяком случае, в среде интеллигенции, стояла атмосфера гнетущего страха. Мы, мальчишки и девчонки, по своей молодости, это не очень чувствовали, хотя время от времени, приходя домой, рассказывали, что у нас исчез куда-то учитель математики Красиков, что теперь у нас опять новый директор. Мама всегда в таких случаях начинала, хоть и ненадолго, плакать, отец вздыхал тяжело, и они уговаривали меня быть осторожнее, лишнего не болтать и прилежно заниматься. Ну куда там! Мы наполнялись молодой силой, искали, где бы посмеяться и побаловаться, а учиться было лень.

В те годы ценилось пролетарское происхождение, как бы в качестве альтернативы дореволюционным князьям и графам. Пролетарий — значит свой, хороший человек, опора советской власти, хотя нередко и вор и пьяница. Конечно, в основном-то рабочие не были пролетариями. Они были вполне порядочными людьми, особенно старшее поколение, у

Погост Выставка

которых при недостатке образования в основе поведения была совесть. А вот более молодые люди непременно стремились быть гегемонами.

У отца происхождение было безукоризненным. Его отец, Михаил Ефремович, являлся единственным батраком мелкого купца в Торжке, его предки — крепостные. Мать, Аграфена Трофимовна, совершенно неграмотная женщина, тоже была дочкой крепостного. Однако у отца моего оказалось очень опасное пятнышко в биографии, которое ему удалось наглухо скрыть. В годы революции он состоял в какой-то молодежной организации эсеров и даже участвовал в акции по уничтожению склада водки. Эти обстоятельства были так хорошо законспирированы, что я о них узнал только после войны.

У мамы с происхождением дела были плохи. Ее отец, Вячеслав Арсеньевич Орлов, был протоиереем в храме погоста Выставка. Он долго болел и скончался еще до массовых репрессий духовенства, в 1926 году. Стыдно читать теперь мамины анкеты и автобиографии, которые у нее требовали почему-то помногу раз в год. В них она писала, что не состояла в деловых и иных отношениях со своим отцом. Другим опасным пунктом являлась ее принадлежность к интеллигенции. Как учили «классики», интеллигенция — прослойка, подозрительная для гегемонов. Интеллигенция способна думать, ей мало хлеба и зрелищ.

Когда я учился в девятом классе, маму направили в Калинин на курсы усовершенствования врачей, где она практиковалась несколько месяцев в городских клиниках. Конечно, на выходные она приезжала домой и рассказывала, что в Калининне творятся страшные вещи.

На остановке трамвая вдруг входят в вагон двое военных в фуражках с синими околышами, внимательно всматриваются в пассажиров и выводят с собой какого-то юношу. В другой раз вызывают куда-то немолодого, всеми уважаемого опытного врача и предлагают поехать на работу на строительство Беломорканала.

— За что? — в ужасе восклицает тот.

— А вы поезжайте врачом добровольно, но без семьи. Вам обеспечат хорошие условия и высокую зарплату.

И несмотря на его упорное нежелание, его через несколько дней увезли на стройку принудительно. Приехав в очередной раз из Калинина, мама рассказала, что этому врачу, командированному на север, дали отпуск. Он приехал к семье, привез массу дефицитных продуктов, но о работе — ни слова.

Страшные органы вылавливали родственников репрессированных и куда-то увозили. У нас в Лихославле такого пока не было, но устрашающие слухи ходили постоянно.

Когда я уже заканчивал школу, отец сказал мне, что и у нас есть репрессированный, очень дальний, родственник. Это бывший священник, страдающий где-то в Заполярье в лагерях. Ни имени его, ни места прежней службы отец не знал (или не хотел сказать мне). Жена священника думала, что он уже погиб, но какими-то путями от него пришло письмо, в котором он писал, что жив, но подвергается диким издевательствам. Его поместили в барак с уголовниками, которые ставили священника в отхожее место и выливали на него свои парашаи.

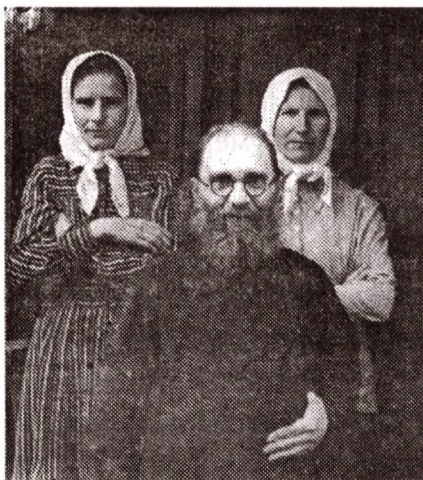
Затем я уехал учиться в Ленинград, потом отправился на войну; шли годы, и очень насыщенные событиями годы.

В 1946 году мне дали отпуск, я приехал домой и пошел в Ильинское. Там служил всю войну протоиерей о. Михаил Веревкин, которого большевики не трогали, а фашисты сюда, к счастью, не дошли. Впервые с 1941 года я исповедовался, причастился Святых Таин и опять уехал на место службы.

Уже осенью 1946 года я демобилизовался и сразу же уехал в Ленинград продолжать учебу. На зимних каникулах я приехал к родителям, пошел в Ильинское. Оказалось, что отец Михаил умер, и на его место присылали служить сначала временных священников, а потом направили протоиерея Сергия Алексеевича Дмитровского. Он и был тот самый наш «дальний родственник».

Отец Сергей был невысокого роста, худощавый, с обильной растительностью на лице. Его негромкий голос был слабоват для такого большого храма. В разговоре он чуть-чуть картавил. Его добрые глаза виднелись сквозь толстые линзы очков, видимо, у батюшки было слабовато зрение. Скромная, даже застенчивая манера обращения с людьми сразу располагала всех к нему. Не раз я слышал из уст о. Сергия, и в храме, и у него дома: «У нас все попросту, без затей». В моем сознании это его выражение смирения и приобщенности к простому люду связывалось с его личностью. Не слышал я от него жалоб или возмущения действиями властей, сложившейся ситуацией, поступками народа, никогда не слышал недовольства священноначалием.

А внешние обстоятельства в жизни церкви были весьма тяжелы: не так давно прошла война, и ее последствия наблюдались во всем. Враги Церкви — вся эта контора уполномоченного по делам религии — с оскаленными зубами напряженно подстерегали, чем бы навредить Церкви. Правящий архиерей был скован во всем этой конторой.

*Мария Александровна Сергеева
Протоиерей Сергей Дмитриевский
Ольга Фроловна Королева*

Местные власти в Ильинском в лице председателей колхоза и сельсовета также были жестокими антирелигиозниками. Зимой в храме было очень холодно. Служили в верхнем приделе св. пророка Илии и св. мученицы Параскевы. Но и там без шуб и валенок было не обойтись, вода в сосудах замерзала. А электричества-то не было.

Внутренние обстоятельства жизни о. Сергия складывались тоже тяжело. Его жена, матушка Анна, жила с больной дочерью и внуком в другом месте, приезжая в Ильинское изредка. Она-то и была в дальнем родстве с Орловыми. Их дочь страдала сахарным диабетом, а лекарств было не достать. Не раз она бывала на пороге смерти. Моя мама иногда доставала инсулин, и я приносил его батюшке.

Угнетала священника крайняя материальная бедность. Матушка Анна никогда не работала на производстве, значит, пенсии у нее не было; дочь, инвалид I группы, получала мизерную пенсию, а внук еще не учился. Потом он, правда, поступил в ПТУ, где готови-

ли специалистов по выработке кожи, и там его взяло на содержание государство.

Жалование батюшки было ничтожным, а приплатить ему с выручки было крайне опасно: финансовые органы и, главное, враги Церкви не дремали. Иногда при заказном молебне или отпевании покойника православным людям удавалось положить, с оглядкой, священнику в карман какие-то копейки. Но ведь и сами-то православные были колхозниками, интеллигенции и тем более чиновников в церкви никогда не бывало. Прихожане приносили батюшке то овощи, то молоко, то яйца, а то и грибы, передавая эти дары через Ольгу и Марию или пенсионерок-учительниц Надежду Федоровну и Веру Владимировну. Это были люди надежные.

Каждый раз, приезжая на каникулы, а потом в отпуск к родителям, я посещал Ильинское. Приносил о. Сергию то 5, то 10 рублей и зачастую отдыхал у него после обедни: предстояло топать еще 8 километров обратно. Он давал мне ключи, оставаясь в храме еще долго после службы. Бывало, я и ночевал у него. Просыпаюсь утром, а священник при свете керосиновой лампы вычитывает Правило. «Спите, спите еще», — говорит он мне, уходя в храм. Он занимал одну комнату в доме Александры Максимовны. Скучная обстановка его жилища украшалась двумя прекрасными иконами.

Отец Сергей неоднократно робко напоминал мне, что он, хотя и дальний, но наш родственник. Но моя мама держалась от него как-то отстраненно, ви-

димо, долголетние страхи прошлого и забота о троих детях заставляли ее выдерживать дистанцию. Вообще этот батюшка по отношению ко всем людям держал себя приниженно: то ли памятуя наставления аввы Дорофея, то ли пройдя заполярные муки, а скорее всего, сказывалось и то, и другое.

Он ведь был ровесником моего отца, но я удивлялся его выносливости и здоровью. Ходил везде пешком, не боялся кислой или жирной (мясоедом) пищи и не жаловался на немощи. Господь давал верному слуге здоровья в меру надобности.

Моя мама посылала через меня немного денег и лекарства, которые батюшка отсылал своим домоладцам. Матушка Анна скоро умерла. Дочь в Ильинском я видел всего раза два, а внука никогда. Так и остался о. Сергей один служить в храме. Ему помогали женщины-прихожанки постирать белье, прибрать в храме, убрать территорию и т.д.

Проповеди священника были просты. Он пересказывал народу прочитанное Евангелие и Апостольские послания. Он хорошо знал и Творения святых отцов, в чем я убеждался, беседуя с ним. При храме была маленькая библиотека: все 12 томов Иоанна Златоуста, Шестоднев Василия Великого, Тверские епархиальные ведомости XVIII века.

Относительно прошлого о. Сергия я стеснялся спрашивать, а он никогда не упоминал об этом. Впрочем, иногда скажет: «А у нас в Заполярье сейчас установилась круглосуточная темнота». Так и не знаю, где он проходил муки и даже не знаю — сколько лет.

В один из приездов в Ильинское я узнал, что правящий архиерей наградил о. Сергия митрой и орденом. Это был небольшой серебряный Андреевский крест на цепочке. Но батюшка никогда их не носил, всегда ходил в скуфейке. Только раз, на Рождество, я видел о. Сергия в его красной митре.

Зимой из-за холода в храме священнику было очень трудно совершать проскомидию и готовиться к Пресуществлению Святых Таин. Чайник с кипятком, принесенный из сторожки, быстро остывал. О. Сергей просил меня достать термос, а их нигде не было в продаже. Я и послал ему по почте свой китайский термос. Но его где-то по пути разбили. Об этом батюшка написал мне письмо. Оно единственное, хранимое до сих пор.

Мой брат, Борис, женился раньше меня, и у него родился сын. Наши родители настаивали поскорее его окрестить, хотели назвать тоже Сергеем. Но тут сразу возникли проблемы: за крещением младенцев следили соответствующие органы, и Борис не хотел «засветиться». Моя мама колебалась, а мать ребенка вообще была «в стороне». Вдобавок была зима, и везти ребенка в холодную церковь и даже в какой-то дом в Ильинском было опасно. Я попросил о. Сергия прийти крестить младенца к нам домой, в Лочкино. Он сразу согласился, хотя очень рисковал: если бы «органы» сообщили об этом архиерею, тот обязан был лишить священника сана, или же уполномоченные сами передавали дело в суд. Но о. Сергей сказал: «После перенесенного ранее мне не страшно испол-

нять Божию волю». Мы попросили священника прийти попозже в целях конспирации.

В условленный день семидесятилетний старик пришел пешком уже в сумерках. Ему пришлось последние два километра идти по целине, так как с той стороны не было следа. Пришел, запыхавшись и еле переводя дух, и просит: «Нельзя ли мне сменить нижнее белье, я весь взмок?» Дали мое чистое белье, которое оказалось ему очень велико. И священник приступил к Таинству. Мама просила его петь потише. Я был крестным.

После крещения мама приготовила наскоро яичницу, но о. Сергей попил только чаю: была среда. Наступил уже двенадцатый час ночи, и мы уговаривали его ночевать у нас, но он отказался: на другой день надо было служить обедню по случаю какого-то праздника. Смелый священник отправился преодолевать свои восемь километров в ночь, а я пошел его провожать. Был небольшой морозец, взошла луна. Мы спустились с Горбиной горы, вышли наконец на накатанную дорогу, и о. Сергей уговорил меня вернуться. Благословил, и мы попрощались.

Через год младенец Сергей умер от полиомиелита.

Следующей зимой мы с братом отправились в Ильинское устраивать на кладбище ограду на могиле нашей сестры Ольги. Потрудились прилично и тут вспомнили, что не взяли с собой еды (заботливая мама, когда мы отправлялись, была на вызове). Сильно усталые, мы совсем притомились к вечеру и обессилели. Я говорю Борису: «Сегодня нет праздника, о. Сер-

гий дома, попросим у него хлеба». Но он не соглашается. Однако голод — не тетка, нам не хватит сил дойти до дому. Вдруг батюшка вышел нам навстречу и пригласил зайти. Я с радостью, Борис без нее, зашли. Ничего не говоря, священник налил нам по стакану чая и открыл баночку сайры, дал хлеба. Мы подкрепились. Лишь придя домой, я сообразил, что мы съели скудный запас батюшки, ведь в ту пору консервов в продаже не было. Всю жизнь я помню эту сайру.

Прогуляв в холостяках до 32 лет, я, наконец, решил жениться. Холостое состояние затягивалось как свойствами моего характера, так и усиленными «рекомендациями» друзей и родственников. Однако в 1953 году вопрос был решен.

Летом 1953 года мы с Людмилой зарегистрировали брак официально, без шаферов и совершенно без торжеств. Но ведь, главное, надо было обвенчаться.

В конце лета мы поехали в Лочкино, намереваясь обвенчаться в Ильинском у о. Сергия. Однако он уехал к больной дочери. А до Успенского поста оставалось всего два дня, в которые можно совершать это Таинство. Отправились в Калинин, пошли по рекомендации знакомых в храм за Волгой. Однако очень уважаемый священник воздержался венчать неизвестных ему людей без беседы с ними, в спешке. В последний доступный для Таинства день мы опять поехали в Калинин в храм Белой Троицы, где нас и обвенчал иерей Николай с минимальной торжественностью, без шаферов, но по полному чину. Вернулись в Лочкино уже мужем и женой.

В ближайшее воскресенье мы пошли в Ильинское, где о. Сергей попросил нас остаться после литургии для беседы. Говорит: «Я очень хотел обвенчать вас, но Господь судил иначе. Беседовал ли с вами перед Таинством отец Николай?»

— Нет! Он куда-то спешил.

— Не хотите ли послушать меня?

Мы пошли к нему домой, и о. Сергей стал высказывать нам, как новобрачным, известные истины: «Надо быть верными друг другу, разделяя и горе, и радость, поддерживая везде один другого, воспитывая детей, которых, надеюсь, будет много. Одного вы уже имеете. Его непременно надо содержать и воспитывать как родного сына, иначе получится плохо». Затем священник сказал, что надо правильно понимать слова апостола Павла: «Жена должна бояться своего мужа». Здесь апостол говорит, что жена должна стыдиться унижить мужа делом или словом, улаживая ссоры взаимной покорностью. А муж обязан любить свою жену и ухаживать за нею как за собственным телом. Здесь о. Сергей тяжело вздохнул и добавил: «Божьим произволением мне довелось проводить большую часть супружеской жизни одному, и это было тяжким испытанием». Батюшка благословил нас и отпустил. Я потом не раз вспоминал наставления священника и старался придерживаться их.

Позже, читая Священное Писание, я увидел, что апостол Павел в Посланиях к Коринфянам, Ефесянам и в других шире развивает учение о семейной жизни, о взаимоотношениях между супругами. Но отец Сер-

гий не стал утруждать нас более подробными поучениями.

Спустя несколько лет скончался мой отец, и я привез его хоронить в Ильинское. Были большевистские праздники, и батюшки не было в Ильинском, он уехал к дочери. Но непостижимым Промыслом о. Сергей вдруг приехал, словно кто-то послал его, отпел своего друга и уехал опять. Понятно, что в ту пору мне было не до расспросов священника о том, Кто же послал его в нужный момент.

Получилось, что отец Сергей хоронил мою сестру Ольгу, маму, а потом и отца. В важнейшие моменты жизни нашей семьи ближе всех оказался наш «дальний родственник».

После похорон отца я в Ильинском стал бывать совсем редко. Но там оставались близкие нам люди: о. Сергей, Мария Александровна, Надежда Федоровна.

И однажды, зимой 1969 года, я получил письмо от Надежды Федоровны, где она писала, что батюшка скончался. Было это так. Зима случилась суровая, но священник постоянно совершал праздничные и воскресные службы, хотя ему исполнился уже 81 год. Последнюю литургию о. Сергей отслужил в праздник Сретения Господня, 15 февраля, и, видимо, тогда и простудился. Слег с высокой температурой, а на пятый день болезни, 29 февраля, в присутствии прислуживающих женщин, перекрестился и тихо заснул навсегда. Похоронили его рядом, в одной ограде с протоиреем Михаилом Веревкиным. Хоронить приехал протоиерей Павел из Вышнего Волочка.

Так Господь даровал блаженную кончину своему верному слуге, исповеднику, митрофорному протоиерею Сергею Алексеевичу Дмитровскому, нашему «дальнему родственнику». Это он меня направил по пути радости, правды и любви.

* * *

Христос Воскресе!

Приветствую вас, дорогой Сергей Андреевич, со всею Вашетою домашнею церковью с Высочайше-венным и Светоносным праздником Воскресения Христова. Молитвенно желаю Вам от Воскресшаго Христа Жизнодавца Его богатых милостей: доброго здоровья, счастья, благоденствия и душевного спокойствия. Сердечно желаю Вам провести Святые дни праздника в полноте духовных сил, в мире и радости. Вчера мы с женой навестили Надежду Федоровну с Верой Владимировной, и я навестил Олю с Маней, и все вместе вспомнили о Вас и Вашем папаше Андрее Михайловиче. Нас очень и очень интересует Ваша совместная жизнь. Хотя мы и не очень близкая родня, но все же родня и связаны узами родства. Поэтому будем очень рады и благодарны, если известите нас о Вашей жизни. С любовью во Христе пребываю в молитвенном общении с Вами. При пожелании всех благ. Пр. Сергей и Анна.

Эту открытку я получил спустя два года семейной жизни от своего духовного отца, память которого для меня свята.

Трахоме — бой!

Наконец установилась теплая солнечная погода, и мне вспомнились давние наши поездки по деревням с мамой.

Запрягают нам в телегу Гривку, смирную, но ленивую кобылу, которой необходим черемуховый прут в качестве ускорителя, и мы отправляемся бороться с трахомой.

Трахома — глазная болезнь, которая поражает слизистую оболочку век. На обратной стороне века образуются мелкие пузырьки размером с булавочную головку (фолликулы), которые вызывают нестерпимый зуд у больного. Сам глаз не поражается, но в результате расчесов постепенно повреждается склера, глаз мутнеет, а веко выворачивается наружу, и через несколько лет наступает слепота. Болезнь мало заразная, и о ней теперь едва ли кто помнит: антибиотики сделали свое дело. Это болезнь «грязных рук» и общего полотенца. Лечили ее в те времена мучительным способом, раздавливая злосчастные пузырьки пинцетом. Поэтому больные редко приходили в амбулаторию сами, и их приходилось ловить дома.

Сельсовет сообщал в больницу о заболевших семьях, и вот мы с мамой выискивали их по деревням. Чаще трахома была у карел, они терпеливее русских и надеются на то, что, мол, «само пройдет».

Тогда в наших краях автомобилей не было вовсе, и сообщение было на лошадях или пешком.

Едем по пыльной дорожке, в небесах заливаются жаворонки, ветерок слегка освежает и на душе радостно. Встречные люди издали узнают Марию Вячеславовну, кричат приветствия и кланяются. Поворот направо, крутой подъем, и вот мы приехали в Лисьи Горы.

Женщина с коромыслом и полными ведрами отвечает, что она и есть Кузьмина и приглашает в дом. Вдруг через забор перелезает мальчишка лет 10 и хочет удрать. Мать кричит: «Вернись, скажу деду!», и мальчишка со слезами возвращается.

Мама велит помыть стол и табуретку, открыть окно и принести в чистой посуде кипятку. Пока греется самовар, из-за печи с кряхтением вылезает дед Матвей.

— Что ты стонешь? — спрашивает мама.

— Да вот, кила замучила.

— Покажи.

Ощупав деда, мама назначает его на операцию — иначе будет только хуже. Вдобавок дед почти ослеп. Мы видим источник заразы — у деда вывернуты красные веки, текут слезы, которые он утирает краем рубахи. Мама моет руки и протирает их спиртом. А где же мальчишка? Приходится вытаскивать его с полатей за ногу. Молодца усаживают на табуретку, дед его держит сзади: руки у деда крепкие, но тот брыкается, и приходится звать на помощь мать. Мама ловко вывертывает веки мальчика и специальным пинцетом выдавливает пузырьки. Сразу смазывает дезинфицирующим раствором, закрывает веки — и все готово!

*Сестры милосердия (мама, Мария Вячеславовна,
во втором ряду в центре). 1915–1918 гг.*

Строго наказывает матери, чтобы оперированный не тер глаза. «Завтра он будет здоров. Полотенце в стирку, в доме прибрать» — командует мама.

В дверях молодой мужчина зовет в свой дом.

— Дочка упала с телеги и повредила ножку.

— Когда?

— Сегодня.

Девочка плачет, ножка еще не опухла. Мама велит отцу держать дочку и берет ножку руками. «Да это же вывих, держи крепче». Ловко поворачивает стопу — слышится щелчок, вывих вправлен. Дочке прилагается лубок из дощечек.

— Сегодня смачивайте ножку холодной водой, будет полегче. Завтра — в тепло и три дня не вставать. Нарушите — дочка станет уродом.

Зовут в третий дом. На кровати лежит бледная худая женщина. Хозяин же жалуется на головную боль.

— Дохни! Тебя я видеть не хочу, жену посмотрю. Сережа, позаботься о Гривке.

Отец хромой девочки приносит овса, мы навешиваем торбу на голову лошади, и раздается «хрум, хрум» — звук, который я так люблю. Мать трахомного мальчика напоила лошадь.

— Ни от кого ничего не брать, — стрóжит меня мама.

Опечаленная, вернувшись, говорит:

— Операцию делать поздно, четверо детей у тет-ки, а муж пьет.

Снова около нас нерешительно топчутся люди.

— Нам надо найти еще Матушкиных, да и устала я.

— У нас, слава Богу, все здоровы, мы приглашаем вас пообедать.

Переходим на другую сторону улицы. В доме чисто, на окнах цветы, приветливая хозяйка не знает, чем угодить нам:

— Ведь с вашей легкой руки краснуха у всех троих детей прошла, а старшего скоро будем провожать в армию.

Пообедали, благодарим радушную семью. Эх, и вкусное же молоко, топленое в русской печи, с пеничкой!

Спрашиваем, где живут Матушкины. В дверях встречает бабка:

— Нагдась до нас долетело, что скоро придет врач искать трахомных, так я подсказала Маньке бежать в Пурышево к свекрови.

— Вы же враг своим внукам, — негодует мама. — Садитесь на табурет и не мешайте мне.

У старухи трахома.

— Завтра же с дочерью приходите в амбулаторию к доктору Соловьевой.

— Нам лошадь из колхоза не дают, а у меня вишь, какие коленки.

— Одна досада. Сын работает на ферме, пусть привезет мать.

Почти в каждом доме нам предлагают деньги. Но какие деньги у колхозников! Мама принципиально ни у кого никогда денег не брала:

— Нам государство платит зарплату.

За это народ ее очень уважал, и все, чиновники ли, начальники ли, старались услужить как могли, хотя она в их адрес зачастую отпускала не самые лучшие сентенции.

Издалека слышится протяжный гудок, это 6 часов, смена на льнозаводе. А то ходики в каждом доме показывают разное время, а у нас часов нет. Пора домой.

Гривка заступила за обрать (узду), прошу прохожего выправить.

Тем временем вокруг мамы собирается народ, все со своими бедами и обстоятельствами.

— Дочка дохает давно, а кашель все не проходит.

— Расширяют пашню, а урожай все хуже, нечего будет получать за трудодни.

— Сын уехал на заработки и не пишет.

— А меня зубы замучили.

— Председатель наш — нахал: к бабам пристаёт, а в деле не смыслит.

— Приезжайте к нам почаще, до города 12 километров, не все дойдут, да и очереди в амбулатории такие, что не всегда и примут.

Совсем замучили маму. Она только раздает старинные народные рецепты:

— Потекли сопли — дыши над горячей картошкой, жар — в постель и больше чая с медом, малиной. Понос — немедленно в больницу. Опасаемся дизентерии.

Выписывает рецепты. Тогда лекарства по рецептам врача отпускались бесплатно.

Люди несут со всех сторон угощения, кто что может.

— Раз денег не берете... Да и что с нас взять-то! На налоги не хватает.

Мы ничего не берем: ни картошки, ни яиц, ни молока, ни творогу — некуда, да прольем, раздавим. Подсыпали нам в телегу только свежего сенца — и в путь.

Хитрая Гривка домой бежит охотно, я прутик забросил. Часа через два мы дома. Отец беспокоится, хотел идти нас встречать. А брат Борис уже спит, наплакавшись от отцовской порки за то, что выпустил поросенка из хлева.

Уже несколько лет наша мама искореняла злосчастную трахому, каждую среду объезжала деревни, заодно помогая людям и в других недугах. Чаще всего ее возил больничный рабочий Сидор, беженец из белорусского колхоза. Семье он посылал свою пустяковую зарплату, а кормили его на больничной кухне. Добрый и прилежный Сидор говорил на трудно понятном языке: он никогда не учился в школе. Сотрудники его любили и не выдавали родному колхозу. После войны его сменил Гусаков.

Упорством мамы трахома постепенно исчезала, по крайней мере, в русских семьях. Ей за это дополнительно не платили, но постоянно хвалили в районе и в области, нередко печатали похвальные статьи и портреты в районной газете «Кариелан тожи» («Карельская правда»). Ведь Лихославль тогда считался центром карельского национального округа, состоящего из двух районов. Но к началу войны эти нескладные построения рухнули. Видимо, где-то в районных и областных парторганизациях что-то забурчало, как у коровы в брюхе.

Нашему району выделили для поощрения трудящихся два велосипеда: один прокурору Краснову (его сын Севка — мой одноклассник), а другой — маме! И это была великая редкость, ведь тогда в СССР было всего два велозавода — пензенский и московский, а большинство велосипедов осталось с царских времен. У нас уже был велосипед, который отец купил до революции, английский «Дукс», легкий на ходу, но тесноватый для моих длинных ног. А московскую но-

винку сразу же пришлось отдавать в ремонт хорошему слесарю, Глухову. Теперь я принялся носиться на велосипеде (брат Борис был маловат) по 2–3 раза в Лихославль и обратно. Однако в школу или магазин мне велик не давали: вдруг украдут. В церковь в Ильинское я ездил, ведь там были надежные люди.

Наступало 1 мая, меня мальчишки уговаривали, чтобы торжественное шествие народа по улицам возглавляли мы с Сашкой Сальницким на велосипедах. Родители не давали, но по просьбе нашего уважаемого завуча Ивана Николаевича позволили.

Целая улица народу, знамена и призывы, духовой оркестр, а мы с Сашкой гордо ведем Московский и «Дукс» впереди шествия; Краснов свой засундучил. Года через два велосипедов стало больше, и их начали регистрировать и ставить номера, как ныне на автомобилях.

В нашу борьбу с трахомой вмешалась любовь. Амбулаторию посетил хороший парень, вернувшийся из армии, а у него нашли трахому. Он женился на девушке из карельских краев. Вдруг эта зараза проникнет туда, где о ней и не слышали! Я напросился ехать с мамой. Запрягли нам тихого, но упрямого старого мерина (на Гривке пахали). Ехать далеко, лошадь старая. Отправились пораньше на двуколке. Погода отличная, но ход тихий.

Проехали одну, вторую, третью деревни, где-то надо сворачивать. Спрашиваем встречную женщину.

— Да вы проехали поворот, теперь вам надо слушать, где пыхтит паровоз, туда и направляйтесь до ясно видной колеи.

Верно, слышно пыхтение паровоза-толкача, помогающего поезду преодолеть подъем. Колеи совсем нет, мерин потянулся в лужу пить. Двухолка наклонилась, посыпались пузырьки с лекарствами, вожжи попали под колесо. Пришлось забираться в грязь, в новых-то штанах.

Наконец дорогу нашли. За перелеском вдали показалась церковь в Ильинском. Радостно забилося сердце, так я это любил! А мама даже прослезилась: с Великого поста не была в церкви, вся в заботах.

Проезжаем деревни. Вот плешивая деревня, нет посадок деревьев и даже садов. Лентяи или пьяницы? А у этой деревни вид другой, веселый. Думается теперь, что это один из корешков в будущем выборе моей специальности.

Вот и наша деревня с древним именем Колодези. Ровная, в струнку, линия изб, длинные колодезные журавли, разросшиеся перед фасадами домов березы и рябины. Видно, что деревня справная. Грязи нет, лавки под окнами и крылечки покрашены.

«Сарафанное радио» уже донесло, что в деревню едет Мария Вячеславовна, и нас давно ждут. На крыльце Давыдовых, к которым мы и ехали, дрожащий мужик умоляет прийти сначала к ним. «Дыхни», — и мама без разговора пошла к нему. Я поплелся сзади. В избе натоплено, перед образами затеплены лампы, и бабка кладет поклоны, не оглядываясь на нас. За занавеской стоны. Что-то особенное.

— Сережа, иди напои мерина.

Вернувшись, вижу, что лошадь напоена и ей насыпано свежей травы. Давыдковы шепчутся: «Наверно, умрет». Мама быстро вернулась, послала парня за председателем колхоза. Когда тот явился, она пошла командовать:

— У женщины острый живот, немедленно лучшую лошадь, глубокую телегу, побольше сена, два одеяла. В Лочкино найти хирурга Морковина. Он в отпуске, но не уехал. Ему моя записка. Сопровождать больную мужа и еще другому смелому мужику. Бог даст, спасем.

Председатель ушел. Нам помыли руки, усаживают за стол. Но мама нервничает, снова пошла к больной, и пока ее не отправила, за стол не села. Гостеприимные хозяева прямо расстилаются в любезности. Ватрушки, мед, яблоки, от соседей привезли деревенского пива. Молодуха-карелка натушила картошки со свининой, хлеб своей выпечки. Плетеная скатерть украсила стол. Аппетит у нас, конечно, был.

Тем временем солнце село, начало смеркаться. Пока видно, проверим глаза, начиная с младших. Мать защитника Отечества держит грудного мальчи-

ка — здоров, трехлетняя девочка — здорова. Мать и отец здоровы, и даже невестка карелка здорова! Мама все время протирает руки спиртом и всем пациентам пускает капли. Теперь садись сам герой и терпи...

Ночевали у Давыдковых. А утром приехал мужик из больницы и сказал, что операцию Морковин сделал при лампе, но надежда слабая. Муж остался в Лочкине при больной.

Позавтракали, и мама, выслав всех из комнаты, стала осматривать молодуху.

— У тебя весной родится ребенок, ты матерью молочной будешь, но приезжай в Лочкино заранее. От работы не отлынивай ни дома, ни в колхозе.

Привезли мальчика с большим фурункулом на боку. Ланцет мы потеряли в дороге, так мама вскрыла нарыв столовым ножом, обработав его огнем, сделала перевязку и выписала рецепт на мазь.

Господни слуги

Во многих наших церквях трудятся Господни слуги. Обычно их немного, но на них, в основном, зиждется весь приход. О священниках я здесь не говорю: на них присутствует сугубая благодать Божия, они нередко переводятся из одного прихода в другой, а сравнительно недавно переводились в места отдаленные. Они люди семейные. А те люди, которых я здесь называю слугами Господними, чаще всего по-

свящают всю свою жизнь до последнего вздоха, служению Церкви Христовой. Они не монахи, не считают себя подвижниками, но обычно не имеют семьи, а часто и образования. И это почти всегда женщины. Мужчины изредка встречались на моей памяти, но потом в них обнаруживались сокровенные пороки или посторонние интересы.

Слуги Господни терпели когда-то общественное презрение, насмешки, непонимание окружающих, лишения, а потом и старческие немощи и недуги.

О некоторых из них я и поведу речь.

Когда-то давным-давно, в 20-е годы, четыре сельские девушки из разных деревень посещали одну церковь в селе Терebene, что в Пушкиногорском районе Псковской области. Они подружились между собой, а священник в храме, видимо, был истинным пастырем и привлек их к служению Богу, так что они договорились посвятить Ему свою жизнь. И, наверно, они пошли бы в монастырь, но тогда это было невозможно: монастыри разгонялись, храмы разрушались — наступил известный период царствования сил зла в России.

Девушек звали Ольга, Александра, Мария, имя четвертой не знаю. Поскольку мне встречаться доводилось с ними довольно редко, мой рассказ может быть только фрагментарным.

Наступила Отечественная война, немцы быстро шли на восток. Убегая от них, Ольга и Мария пришли в село Ильинское Калининской области. Здесь проявились их таланты: Ольга хорошо знала церковную

*Отец Сергей Дмитриевский,
Мария Сергеева, Ольга Королева, мальчик Саша*

службу, а Мария пела. Они стали служить в храме Знамения Пресвятой Богородицы в Ильинском.

Несомненным лидером была Ольга, женщина очень мужественная, волевая и целеустремленная. Она имела очень высокий авторитет как у священнослужителей, так и у народа. Бесстрашно она взяла на себя обязанности помощника старосты вдобавок к должности чтеца. Известно, что военные и послевоенные годы в России были трудными. Председатель колхоза (а от него зависела вся жизнь народа) был злым врагом Церкви, не упуская случая нанести ей коварный удар. Как и по всей России, службы в храме осуществлялись на утвари, богослужебных книгах,

оставшихся еще с Синодального периода. Вместо ладана употреблялась еловая серка и вишневая камедь. Благо еще здесь не побывали фашисты. Областные, районные и местные власти повышали налоги, устраивали различные препоны жизнедеятельности церкви. Колокольный звон, крестный ход, провожание покойника на кладбище клиром надо было согласовывать с районным, а то и с областным управлением по делам религии. Враги следили за проповедями священников, устраивали ревизии, в печати и школе велась непрерывная антирелигиозная пропаганда. А потом появились осквернители могил, которые, раскапывая православные захоронения, добывали из них кресты, кольца, зубы давно почивших людей. Власти им не мешали: «это забота Церкви».

Известно, что для жизнедеятельности церкви необходимо многое: дрова, свечи, масло, вино, мука, ладан и т.п. Каково было это обеспечить при карточной системе, да и после — понятно.

Священники менялись, они не обладали никакими юридическими правами, строго лимитированная зарплата была мизерной. За попытку приплатить священнику за сверхурочные службы легко можно было попасть под суд.

Старостой в это время был очень спокойный, выдержанный и мудрый приснопамятный Кузьма Ульянович из деревни Губка. Но ему бы все бесчисленные обязанности и заботы не преодолеть, не будь здесь Ольги, до конца твердой в вере, хотя и слабой в грамоте (судя по ее письмам).

В очень большом храме с тремя приделами необходимо было поддерживать порядок. Конечно, в этой работе много помогали прихожане. Но всем руководила и управляла Ольга Фроловна.

Оказалось почему-то, что Ольге и Марии стало негде жить. Так сильная и мужественная Ольга взялась строить себе дом. Сама пилила, рубила, раскатывала бревна и выбирала пазы. И вместе с Марией построила себе маленький домик в одно окошечко. Но потом оказалось, что не были соблюдены какие-то юридические нормы, и дом отобрали под склад. Ольга и Мария не предались унынию, а построили другой домик на новом месте.

Кузьма Ульянович старел и болел, да и жил он далеко, и вдруг оказалось, что Ольге пришлось взять на себя обязанности старосты полностью. Больше никто не брался за это многотрудное, да и опасное дело.

Несомненно, всю жизнь Ильинской церкви вел Господь своею благодатию.

У Ольги постоянной помощницей и спутницей была Мария, которая, в силу своего смирения, природной скромности, почти нигде не была заметна. Однако ее тихая роль была исключительно ценна, на нее всегда можно было положиться. Она хорошо пела, руководила любительским хором, верно вела службу и пекла просфоры. У Марии было слабое здоровье. Еще в годы войны врачи предрекали ей смерть от туберкулеза. Но худенькая, вся воздушная Мария жива и сейчас.

Ольга также часто болела: головная боль, слабость. Видимо, у нее была гипертония. Но лечилась

она вместе с верной Манечкой молитвой и постом, неотступно служа в храме на всех службах. Прихожане все чутко понимали, меняющиеся священники всегда относились к Господним слугам сочувственно, и даже в Тверском епархиальном управлении авторитет Ольги Фроловны был велик.

Мрачные годы гонений и притеснения Церкви Христовой стали медленно проходить. Но у Ольги было подорвано здоровье, она много страдала от припадков, неудачный укол вызвал омертвление части тела, и она скончалась в 1968 году, оплакиваемая всеми.

Опасались, что смерть Ольги серьезно затруднит жизнедеятельность церковного прихода, однако в дело вступила скромная Мария Александровна. И теперь на нее легли все заботы, материальные и даже духовные.

Ныне церковь в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы находится в несравненно более благополучном состоянии. Священник отец Сергей является и старостой храма, имеются все необходимые богослужебные книги, в здании проведен ремонт, светские власти пока относятся к церкви доброжелательно и даже чутко. Однако из большого села Ильинского службы посещают лишь несколько человек, большая часть богомольцев приезжает из города Лихославля и торфопредприятия Осиновая Гряда.

Но по-прежнему во всех церковных делах главный авторитет принадлежит смиренной, скромной Марии Александровне. Конечно, у нее совсем пропал голос, силы зачастую покидают ее, но она несомненно будет служить Богу до последнего вздоха. Радост-

но, что появляются ей на смену более молодые и грамотные Господни слуги. Недалеко от Гатчины находится поселок Мариенбург. В нем в прошлом веке построен небольшой, но очень красивый храм Покрова Пресвятой Богородицы. Поводом к постройке послужил следующий случай.

У Императора Александра II начальником охоты был генерал Диц, сына которого, 12-летнего Сережу, растерзали собаки. В память непрерывно поминаемого с тех пор отрока Сергия Государь дал деньги на постройку храма.

Не знаю с каких пор в этом храме служила алтарницей Александра Ивановна, которая и жила в церковном доме. Случайно во время беседы с нею я упомянул об Ильинском. Она очень оживилась: «Там служит моя подруга, Мария Александровна Сергеева, а другая подруга, Ольга Фроловна Королева, умерла».

От Александры Ивановны я и узнал о старинном желании четырех подруг послужить Богу. Александра Ивановна еще жива, но по болезни служить уже не может, ей около 90 лет.

«Биологи во Христе»

Так прозвали нечестивые репортеры двух сестричек. Название оказалось пророческим. Я с этими девушками изредка встречался на протяжении многих десятков лет.

В далекие-далекие довоенные годы, когда я учился в Лесотехнической академии, меня пригласили в научный кружок на кафедре дендрологии. С интересом я тогда занимался изучением морфологических различий видов лиственницы и сделал на кружке доклад. Вместе со мной в кружке занимался Володя Зенков. У него была тема, посвященная определению количества пыльцы у березы. Его доклад оказался гораздо интереснее моего, в нем были существенные научные результаты.

Володя жил в Ленинграде в доме отца и однажды пригласил меня к себе. Дом, построенный его дедом еще до революции, стоял за городом близ Богословского кладбища. Хозяйничала во всем деятельная, энергичная мать, а отец, инженер военного завода, был тихим, скромным человеком. Были у Володи две сестрички 10–11 лет: Лена и Нина. Недолго пробыл я у Володи, но бросилось мне тогда в глаза, что это семья православная: во всех комнатах висели иконы с лампадами, мать поминутно крестилась, имена девочек были тоже незаурядными. В тот раз я у них не раскрылся, что я тоже православный. Был робким трусом.

Пригласили меня и в другой раз — на разговорье, в Рождество. Помню, была очень вкусная копченая рыба, прекрасная елка, мы шутили и веселились, но — ничего спиртного. Володина мама рассказала, что была духовной дочерью Ленинградского митрополита Серафима (Чичагова), ныне прославленного в лике священномучеников. Запели ирмосы канона Рождеству Христову, и все удивились, что и я их тоже

знаю. Самые теплые, любезные воспоминания остались у меня об этой встрече. Видимо, это был уже 1941 год.

Наступила чудовищная беда — война. На ней Володя погиб. А я после войны, закончив академию, работал четыре года по специальности в Лисине. Потом опять начал учиться. В это время наступила пора хрущевских гонений на Церковь.

27 декабря 1944 г.

Вдруг среди моих соучеников прокатилось необычное оживление: в областной газете «Смена» появилась статья-пасквиль о двух студентках третьего курса, Зенковых. Статья под названием «Биологи во Христе» на целой странице с большевистской страстностью разоблачала империалистические происки двух невинных девочек.

Автор удивлялся, как могли получать высшее образование такие отсталые люди, которые верят в Бога, и высказывал предположение, не инспирировано ли это иностранными разведками.

Оказалось, что сестры успешно закончили школу и поступили в Лесотехническую академию на фа-

культет озеленения городов. Они были очень добросовестны и прилежны, учились отлично и достигли третьего курса, когда их попытался сразить враг.

Сразу же начались «проработки» сестричек. На кафедре цветоводства доцент Тавлинова пыталась доказать бессмысленность (как ей казалось) некоторых православных догматов, но безрезультатно. Наступила сессия, и на экзамене по энтомологии сестры отлично ответили на все вопросы, также на бесконечные дополнительные. Но доцент Тальман, принимавший экзамен, объявил, что экзамен у них не принял, ибо их мировоззрение не является материалистическим. Причем тут мировоззрение, если надо знать классификацию жесткокрылых или биологию лубоедов, он не пояснил. Слезы и слезы. Сам Тальман готовил полуфилософскую докторскую диссертацию о «внутрипроникающих противоречиях» в лесу. Философы из Ленинградского университета этот бред поддерживали, но все лесные специалисты не находили в его диссертации никакого смысла, кроме известных цитат — их-то никто не смел подвергать сомнению. Но диссертация провалилась. Вскоре Тальман купил небольшой автомобиль. Ехал он однажды по Приморскому шоссе, сделал неудачный поворот и опрокинулся. При падении он сломал позвоночник и через неделю тяжких страданий умер.

На другой же день после экзамена у Тальмана Лена и Нина пошли к другому доценту и сдали энтомологию на «пять».

Статья в «Смене» дала старт антихристианскому бешенству в академии. Партком взял дело под свой

контроль. Заведующий кафедрой научного коммунизма принялся писать докторскую диссертацию: «Идеалистическое мировоззрение и его связь с происками империализма». Борьба против веры казалась им в тот момент весьма актуальной и, главное, безопасной, не требующей эрудиции. Возражать сатанинскому бреду никто не смел. Христиане внутри страны были абсолютно лишены средств массовой информации, не было издано ни одного православного слова, немногочисленные священники должны были согласовывать проповеди с уполномоченными по делам религии, границы страны были «на замке».

Насколько распоясались антихристиане и насколько примитивно было поведение врагов Церкви в ту пору, показывает статья в массовом журнале «Крестьянка». В ней утверждалось, что число «тринадцать», породившее суеверия в народе, происходит якобы от числа тринадцати Апостолов Христовых, где тринадцатым апостолом был Иуда Искариотский.

Об арестах, правда, не было слышно, продолжалась критика страшных деяний Сталина, но для Церкви этот период был опять тяжким. В многотысячном коллективе академии, конечно же, были христиане, в том числе и я. Но мы вели себя робко и трусливо: посещая храм, прятались, общались между собой по вопросам веры шепотом и с оглядкой, прятали крестики и иконки. Да и окружающие нас атеисты были людьми благоразумными и не задирались.

Так все силы ада обрушились на двух девочек. В результате Лена бросила учебу и, наверное, ушла бы в

монастырь, если бы они были. Она уехала в какую-то деревенскую церковь, вела там монашескую жизнь, служила в храме.

А вот более смелая Нина продолжала учиться. Несмотря на все усилия бесчисленных врагов, формального повода для ее исключения не было, а своим терпением она преодолевала все. Конечно, ее дома поддерживала мать и знакомые христиане. А вот я опять показал себя презренным трусом, не оказав ей хотя бы моральной поддержки. Она была прихожанкой деревянной церкви на Большой Спасской. Теперь нет ни храма, ни улицы с таким названием, но появился проспект Непокоренных.

Испытания, данные Нине, продолжались. Во время практики в Лисино в нее крепко влюбился студент Боря. Это неудивительно: Нина была девушкой красивой, трудолюбивой и умной. Боря был тоже парень, что надо: отличник, без дурных привычек, видный собою. Он ради своей любви презирал гонения, постигшие Нину, и был рад разделить ее беды. Все шло прекрасно. Наверное, и Нина не была равнодушна к Боре. Но Господь рассудил иначе.

Отец Бори был известный профессор. Он резко восстал против Бориной любви — испугался за его карьеру. Видимо, здесь тоже шла борьба и лились слезы, но Боря сдался. Его быстренько женили на женщине, в дальнейшем возглавившей озеленение всего Ленинграда. Отец Бори написал прекрасный учебник и на гонорар купил сыну «Волгу». Жили они на территории академии. Боря, добрый парень, неод-

нократно подвозил меня. По окончании академии отец устроил Борю на работу в Сиверский опытный лесхоз, где у него разрабатывалась перспективная тема по вакуумному извлечению лесных семян. Словом, у Бори дела шли великолепно. Нике же достались опять страдания и слезы.

Однажды соседка профессора шла в магазин. Видит, что Боря лежит под своей «Волгой», подтягивая гайки. Часа через два она, возвращаясь из магазина, видит, что Боря лежит под машиной в той же позе. Соседка почувствовала неладное... Автомобиль сорвался с домкрата и раздавил Боре голову. С гибелью единственного сына профессор быстро сдал и скоро сам умер.

Тем временем я женился, и у меня подрастала дочь. Мне пришлось на ум пригласить Нину стать ее крестной матерью. С трудом нашел я небольшой дом Зенковых, в котором не бывал с довоенных времен. Его уже начал охватывать Ленинград своими проспектами, но земельный участок сохранился. Здесь росли большие березы, ели, а яблони захирели.

После всех переживаний смиренный отец Нины скончался. Мать же повредила в уме: постоянно смотрела в окна, ожидая с войны сыночка Володю уже пятнадцать лет.

Лена редко появлялась дома из деревенской глуши и опять спешила в свой тихий храм на службу. Нина закончила академию и работала в проектно-институте по озеленению наших городов. Она согласилась стать моей кумой.

Вот мы окрестили мою дочь, дав ей имя Ирина. Нина стала приезжать к нам в Лисино, вновь к ней вернулись бодрость и радостное настроение. Вообще-то она была веселым, энергичным оптимистом.

У нас вместе с моей тещей Федосьей Михайловны постоянно жили ее внуки Маша, Сережка, Ленка и Сашка в возрасте 10–15 лет. Иринка была тогда еще мала. Как уж они радовались приездам тети Нины! Она с ними гуляла, и хороводы водила, и книжки читала, и разные игры заводила вроде «пирожка на нитке».

По своей работе Нина ездила в разные города СССР, составляя проекты парков, бульваров и цветников. Однажды ее долго не было у нас, а потом она явилась в ужасном виде: почти все лицо ее было в черных и желтых кровоподтеках, даже узнать ее было трудно. Нина летела самолетом из Ленинграда в Улан-Удэ. После посадки в Иркутске самолет почему-то не смог подняться в воздух и, разогнавшись, заскользил по льду и ворвался в пригородные дачи. На счастье, Нина сидела напротив какого-то люка, куда и провалилась, отделавшись бесчисленными ушибами. Что было с другими пассажирами — неизвестно, тогда ведь катастроф и аварий «не было».

По службе я иногда ездил в Москву и всегда стремился посетить Троице-Сергиеву Лавру. Однажды во время всенощной вижу рядом с собою маленькую женщину, одетую послушницей. После елеопомазания она опять приближается ко мне. По окончании

службы я ее рассмотрел. Это же Елена! Она давно увидела меня, но робела.

— В какой же обители ты подвизаешься?

— Ни в какой, я просто всегда так одеваюсь.

И мы пошли между храмами Лавры, потом сели на скамеечку, и она мне рассказала, что сейчас она служит в соборе апостола Павла, в Гатчине. Перебралась поближе к дому, чтобы помогать Нине ухаживать за больной матерью. У Нины вновь настали скорби и беды, она собирается бросить работу и служить только в церкви.

Когда Нина приехала к нам в Лисино, я ей рассказал о встрече с Элей и посочувствовал в ее бедах. Она рассердилась и сказала, что больше к нам не приедет.

Летом я решил сам съездить к Нине. Город охватил со всех сторон их усадьбу, многоэтажки наступают кругом, городской шум и вонь разносятся в округе. А на усадьбе тихо, громадные березы начинают суховершинить, одна упала. Жив напочвенный покров: грушанка, черника, островками блестящие мхи, а волчье лыко из Лисина погибло.

Сестры похоронили мать, теперь Нина вышла на пенсию и посвятила всю себя служению Господу. Она целыми днями участвует в восстановлении храма Великомученицы Екатерины в Мурино. С самого начала Нина подвизается под руководством энергичного и прилежного о. Николая. И вот уже в незаконченном храме начинаются службы, и Нина служит псаломщицей. Домой возвращается лишь ночевать.

Через несколько лет, на Крещение, я поехал в Мурино. Храм, построенный в своем имении знаменитым архитектором Львовым, полностью восстановлен, внутри доделываются все оригинальные затей архитектора. Службу совершают несколько священников, прекрасный хор. А Нина читает часы и молитвы перед Причащением. У нее очень четкое произношение, прекрасная дикция, и чувствуется, что она читает не механически, а сопереживая чувствам, заложенным в молитвах и псалмах. Здесь Нина следует школе протодиакона Сергия Стригунова из Троице-Сергиевой Лавры.

По окончании службы я разыскал Нину. Она удивилась, что я еще жив, ибо давно не имела от меня вестей. Я попросился к ней ночевать.

Ехать далеко и несподручно. Живет она одна, и поэтому в доме холодно и неудобно, пищу готовить некогда. В комнатах книжные шкафы полны сочинениями Апухтина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева. Целая комната занята кошками. Нина призывает брошенных и больных животных, поэтому воздух и пол в этой комнате не совсем чистые. В дом неоднократно пытались пролезть воры, но пока все обходилось. Лена бывает редко, она занята в своем храме.

Спустя некоторое время я был в Мариенбурге в Покровском храме на престольный праздник и неожиданно встретил Лену. Она пела в хоре. Ее голос был очень приятный, но несильный. Монашеское одеяние, исключительная скромность и смирение как-то сразу к себе располагают. Лена сказала, что собирает-

ся ехать служить на север, то ли в Архангельскую, то ли в Мурманскую епархию.

Зачем, почему? Нам знать не надо.

Так сбылось пророчество нечестивых писак, подобно проречению Каиафы в отношении Господа Иисуса Христа (Ин. 11, 49–52).

Гербарий

Второй раз я учился в Лесотехнической академии в 1952–1956 годах. Мы со своими коллегами по учебе еще до этого поработали в производстве, приобрели какой-то жизненный опыт, а многие побывали и на войне. Находясь в расцвете физических и умственных сил и рассчитывая на успешное продвижение в профессиональной деятельности, мы воображали, что станем элитой общества. Поэтому думали и рассуждали широко и свободно, обменивались с товарищами мнениями и воспоминаниями о других странах. Мы ведь заглянули за «железный занавес».

В эту пору в нашей стране в области идеологии происходила странная белиберда. Ожесточенно критикуя чудовищные сталинские злодеяния, руководители государства наполняли мозги народа полуправдой и тупой ложью. Партия набросилась на Православную Церковь и другие конфессии. Вождям почему-то казалось, что здесь они могут достичь своих злых успехов с минимальными усилиями. Проис-

Alma mater

ходила замена скудельных ног Колосса на ноги из необожженной глины. И это было во всех областях науки и образования. Например, при преподавании почвоведения надо было непременно «освещать» роль партии. Каждый научный труд предварялся «решениями... съезда партии». А диссертацию аспирантки Ахремович, посвященную изучению микоризы, на ученом совете забраковали совсем, сочтя ее «идеалистической, не отражающей исторических решений партии и достижений мичуринской биологии».

У нас в академии образовали четыре «политические» кафедры: научного коммунизма, истории КПСС, политэкономии и научного атеизма, которые моментально наполнились «могучими научными си-

лами». Учебные же часы для изучения всего этого бреда брались за счет основных дисциплин: технологии бумажного производства, общего лесоводства, приборов и аппаратов и т.п. Понятно, сколь «благотворно» эти новшества отражались на качестве выпускаемых специалистов.

У нас было много аспирантов из социалистических стран: поляков, китайцев, венгров, албанцев, чехов. Я жил в комнате с корейцем Ун Да Сином, который был замечателен тем, что получил ранение на войне с американцами. Но бедняга оказался тупым парнем, он никак не мог овладеть русским языком и часами сидел, обхватив голову руками и причитая: «Тулудно, тулудно», то есть трудно. Аспиранты из европейских стран относились к нам настороженно и даже враждебно, зато азиаты были очень любезны. Последние объединялись в крепко сколоченные землячества. Аспиранты СССР дружили между собой, свободно обсуждая проблемы планетарного масштаба, новости из БиБиСи, смеялись над примитивизмом властей. Доверяя друг другу, как в среде офицеров на войне, мы и не думали, что среди нас могут быть сексоты, племя, заведенное когда-то Ягодой, Берией и другими «строителями светлого будущего».

К какому-то очередному юбилею министерство высшего образования отпустило нашей академии много денег. «Мудрый» ректорат и партком решили потратить деньги на придание ЛТА «современного» вида: библиотеки при основных кафедрах, собранные когда-то классиками, соединялись в одну общую

библиотеку; интерьеры, отделанные вручную полированным деревом, выдирались и заменялись пластмассовой блестящей дешёвкой; везде были вставлены лампы дневного света и т.п. Множество коллекций, музейных образцов и редкостей попросту уничтожались, сдавалось в утиль и растаскивалось.

К делу привлекли и аспирантов, многие из которых имели опыт по «наведению порядка» в ходе войны. Мы шуровали на кафедре лесных культур. Вдруг кто-то из наших кричит: «Смотрите, какое диво в этом шкафу!»

Там лежал гербарий пустынной флоры Средней Азии: тау-сагыз, овес песчаный, солянка, саксаул, фисташка и т.п. Гербарий надлежало уничтожить. Но не в нем было диво. Гербарий сушился в газетах «Беднота» и «Батрак» 1925 и 1926 годов. Газеты были наполнены статьями и выступлениями Бухарина, Рыкова, Луначарского, Троцкого и ещё каких-то неизвестных героев того времени. Иван почитал, позвал Мишу, сбегали за Олегом, тот прихватил Аршо, подоспели я и Тофик. Открылся дискуссионный клуб вольнодумцев. «Какое красноречие!» — «Ловко кроют репрессированные ораторы!» — «Позови-ка экономистов Гришу и Надю, они лучше в этом разбираются, а эти ораторы говорят, вроде все правильно». Полюбопытствовали и иностранцы, но не дискутировали, а только качали головами и посмеивались.

Вдруг в кабинет вбегает, весь трясущийся, зелёный, зав. кафедрой профессор В.В. Огиевский. Заикаясь, он велит нам разойтись и свалить в кучу злосча-

стный гербарий. Бедняга Василий Васильевич имел несчастье происходить из мелкопоместных дворян Полтавской губернии. В те же минуты на место происшествия является комиссия институтского парткома во главе с секретарем. Нас переписывают, гербарий тщательно упаковывают и уносят. Ко всеобщей радости, обошлось без последствий. Идейный бунт был потушен в зародыше, наверно, и вышестоящие органы ничего не узнали.

Но мы не успокоились и стали «вычислять» донщика. Им оказался Дима, который потом стал директором научно-исследовательского института ЛенНИИЛХ, а поэтому быстро сделался доктором биологических наук и профессором. Теперь он покойный.

Наблюдения идеалиста-этнографа

Люблю я костромской народ, исконных его жителей, деревенщину. Может быть, я и ошибаюсь, но, кажется, к востоку от Костромы доселе сохранилось что-то от старой, патриархальной, великой и спокойной России. Конечно, не в наскоро построенных и уже разваливающихся домах культуры, не в искусственно и насильно слепленных колхозах, не в сельмагах с окружающими их многослойными пластами пробок от «Солнцедара». Это все плоды социализма.

Настоящая Россия сохранилась в духе народа, бесхитростного и уважительного, сохранившего понятие о совести.

Как-то нам довелось обследовать обширное болото между Сандогорой, Андреевским и Ямковым. Мы доехали машиной до Сандогоры, которая находится на берегу реки Костромы. Первое впечатление получили от мужика, вырубающего из метровой толщины осины лодку. Сколько же надо положить труда, чтобы выдолбить челн! Вспомнились летописи. Здесь меня товарищи оставили и поехали в Любим.

Я отправился в Меленки пешком к леснику Куколкину. Доброжелательный пожилой мужик обрадовался неожиданному гостю. Прежде всего принялся угощать обедом, сбегал к соседям за самогонкой. К чему бы это? Я ведь не начальник и не родня. А это русское гостеприимство. Где теперь оно?

Спать меня положили на поветь, которая устроена над хлевом. Здесь чисто, пахнет сеном, нет комаров. Внизу вздыхает корова, пережевывая жвачку, проблеивают овечки. И сразу какой-то покой в душе: это Родина, хотя моя-то родина отсюда далеко, в тверских краях.

Пока я спал, Куколкин наловил мелкой рыбешки, и его жена поджарила ее с яйцами. Неожиданное блюдо. Я было принялся ковырять его вилкой, но хозяин говорит: «А мы едим все это с головой и костями, рыбка мелкая, не подавишься».

Куколкин довел меня до перекрестка дорог и отправился на перечет, где его ждали рабочие.

Кадынский лесхоз Костромской области

Дошел я до Пестинок. Спрашиваю, где здесь край болота. Вижу, посредине деревни стоит обелиск и на гранях его надпись: «Сюда не вернулись с войны Степан Прохоров... и т.д., всего 27 душ». Деревня небольшая, домов 30. Вдруг подходит подвыпивший дядя: «Ты кто таков? Зачем у тебя полевая сумка, что в ней? Эй, Никифор, тут ходит какой-то». Пошатываясь, является Никифор: «Бдительность — наше оружие». Я отвечаю: «Болтун — находка для врага» — «Э, да ты свой, на каком фронте воевал?»

А накануне у них в Фоминском задержали группу молодежи. Человек пять студентов, в том числе две девушки, забрели в новые для них места в качестве пеших туристов. Жителям стали отвечать по-английски, ерничать. Девушки были особенно подозри-

тельные: они были одеты только сверху, а ноги голые почти до пояса, срам (это мне так объясняли женщины). Студентов связали, сообщили в сельсовет и оставили ночевать в сарае, причем одному сломали очки.

На болото меня одного не пустили: окраек болота особенно опасен. Прошлой зимой погиб лесник, который хотел сократить путь, да упал и утонул. Меня приглашают зайти одни и другие. Иду к Никифору. «У нас болото богатое, всей деревней собираем клюкву и морошку, хороший приработок. Утром переводим баб и мальчишек по кладкам через опасный окраек, они набирают ягоды в мешки и вешают на деревья, вечером встречаем: самим-то надо в поле работать. В выходной мешки выносят мужики. «Как же мешки с клюквой висят в лесу целую неделю и не пропадают?» — я удивлен. «А куда им деться-то, ведь я чужого не возьму, да и у меня не пропадает никогда».

Утром меня переводят через опасный окраек, дают вареных яиц, бутылку молока и хлеба: магазина в деревне нет. За день я перехожу болото по компасу на другой край, промеряя глубину торфа щупом.

Удивило меня, что в колхозах сравнительно много народа, в деревнях бегают ребяташки и совсем не слышно сквернословия, хотя мужики не брезгают самогонкой.

Отрадно было видеть, что и церкви большей частью сохранились: в Сущеве, Сандогоре и тогда шли богослужения, не говоря о районных центрах: Галиче, Чухломе, Макарьево или Солигаличе. И это в ту пору, когда в Великом Новгороде действующей оста-

лась лишь одна церковь! А в Нижнем Новгороде, говорят, — ни одной!

Думаю, это оттого, что здесь не бывал внешний враг (немцы), а внутренний сохранил сколько-то совести. Или мне повезло?

Это было в 70-х годах. А как теперь?

Вот псковитяне совсем другой народ: гордый, задиристый, любитель подраться. Трудолюбия, упорства в достижении цели у них хоть отбавляй. Почитают родителей и всю родню. Думаю, такими воинственными они стали, так как жили на западных рубежах России.

Западнее Пскова есть городок Старый Изборск, во многих отношениях замечательный. Это один из древнейших оплотов России на западе. Туристы всегда ищут там Труворов крест, он стоит наклонный на кладбище, и всегда посещают крепость. Крепость находится на горе, окружена стеной с башнями, под горой шумят источники, впадающие в чистое озеро. Иногда там плавают лебеди. Красота!

В крепости построен крепостной собор Святителя Николая, и в нем с начала XIV века постоянно совершаются службы. Внутри собор очень тесный из-за непомерно толстых стен.

До 1939 года Изборск принадлежал Эстонии, причем здесь все жители ходили в собор молиться. Когда в 1939 году Эстония «добровольно» присоединилась к СССР, Церковь постепенно стали притеснять. Уже в 1940 году коммунистические власти «по просьбе трудящихся» решили закрыть и разрушить

собор Николая Мирликийского. Объявили верующим, те ответили: «Не отдадим!» Прислали милицию, но народ отстаивал собор, и это противостояние продолжалось долго, верующие дежурили с топорами и вилами у собора посменно. Наконец власти стали просить прислать из Пскова войска. Но тут подступила война. И немцы молиться не мешали.

Туристы любят походить по крепости, иногда заглянут в собор (где их не очень приветствуют), поставят свечку, покрестятся наспех и скорей в автобус.

Однажды из Германии приехала съемочная группа киношников. Предусмотрительные немцы получили разрешение на съемки от псковского губернатора и было у них и благословение митрополита Иоанна. Пока снимали стены, башни, собор снаружи, никто им не мешал. А когда потащили свою аппаратуру в собор, собравшийся к этому времени народ заявил: «Мы не хотим!» Те показывают документы от губернатора и митрополита. Эти: «Не хотим!» Так и не пустили в храм чужих.

Вот это псковский характер!

Псковитяне — большие любители садов. У них осенью полно яблок, слив и другой благодати, разводят они и цветы. Думаю, что это они восприняли от соседних прибалтов. Удивляют старинные сараи, хлевы и склады, сложенные из валунов. Ну и трудолюбие было у людей: ведь округлые десятипудовые валуны и поднять-то на стену кажется невозможным! Да и как уложить их на века? Теперь их с помощью колхозной техники изувечить полегче. А сами псковитя-

не любят непременно чем-нибудь погордиться, и в этой области они изрядные фантазеры.

Плоды самонадеянности

В 50–60-е годы я преподавал в Лисинском лесном техникуме общее лесоводство. Зимой в техникуме проводилась практика по лесоэксплуатации, на которую иногда приглашали и меня. В связи с тем, что работа эта очень опасна, каждой группой студентов руководили три преподавателя, обычно мужчины. Такая практика очень полезна студентам для приобретения некоторых навыков лесных работ, а техникум она дает древесину. Но вся организация дела весьма хлопотлива: нужно с каждым студентом дважды проработать инструкции по технике безопасности и технологии работы со сдачей зачета, получить технику: трактор, бензопилы, топоры, валочные вилки, рукавицы и т.п. Студенты также отбирались здоровые и имеющие подходящую обувь и одежду.

В этот раз нас, преподавателей, собралось трое: директор Б.М. Барыбин, преподаватель А.С. Шелонин и я. Заранее была проведена организационная подготовка. По расписанию надо было выступить 19 января.

Вдруг накануне вечером из райкома КПСС пришла депеша: всем коммунистам явиться в райком для проработки закрытого письма ЦК. Так я остался один с группой, так как был беспартийным. Мог бы я и от-

казаться, директор даже предлагал, но мне шлея под хвост попала: ведь я же прошел войну! Надеялся я также на шестерых отличных мальчиков-студентов, уже отслуживших в армии.

Погода была прекрасная: небольшой морозец, изредка проглядывало солнышко. Шофер Иван привез нас на лесосеку, мы загрузили машину вчерашней древесиной и отправили в Лисино.

Я решил разделить группу на две бригады: между ними должно быть не менее 50 метров. Бригадиры Костромин и Софронов работали ранее на лесозаготовках, и я на них полагался. Мы не спешили: свалив 5 деревьев, бригада приступила к обрубке сучьев и раскряжке с сопутствующими работами.

Но почти с самого начала дело не заладилось. Отказала бензопила, заменили запасной. В бригаде Софронова слышу крик: «Назад, сейчас же назад!» Подбегаю и вижу: глупая девчонка забежала за линию валки, наверно по нужде, а в это время подпиленная большая ель вот-вот рухнет. «Стой на месте!» — отчаянно заорал я и даже голос сорвал. В этот момент ель рухнула, и, когда рассеялась снежная пыль, немного в стороне показалась плачущая девчонка. Побежала бы назад — попала бы под сучья.

Приходит Костромин, говорит: «У нас на валке одна ель зависла на другой». Это плохо: запрещено сбивать зависшее дерево другим деревом, его надо тащить за комель трактором или веревками и рычагами. А у нас ничего этого нет.

Ну, думаю, исправлю ошибку студентов сам, хотя и нарушу технику безопасности. Приглядел в сторо-

не березку сантиметров на 20 в диаметре, встал за бензопилу сам, Костромин вилкой сзади напирал, вроде все верно.

Березка упала на ель, но не сбила ее, а соскользнула назад. Бросить бы пилу и отскочить, так жалко технику. Секунды 2–3 было у меня, и я отступил на шаг с бензопилой в руках, но коварная березка оказалось проворнее и ударила комлем по левой ноге.

Мальчики сразу же подняли меня, а нога в голени болтается как хвост рыбы. Разрезали и сняли резиновый сапог, сделали шину из лучины и усадили меня на кучу хвойных веток, подстлав чью-то фуфайку. Я старался демонстрировать самообладание и всеми делами командовал лично, отвлекаясь так от боли.

А Иван все не едет, девчонки плачут, мальчики пытаются разжечь костер, но у них ничего не получается. Извели весь коробок спичек и не разожгли: нервы. Я пыжусь со своим мужеством, разбираем наглядный урок, урок не только ребятам, но и мне на всю жизнь. Фотографируемся, но у ребят руки дрожат.

Уже в сумерках приехал Иван, а в кабину меня не посадить, положили в кузов, и со мной поехали шестеро студентов. Привезли в Тосненскую больницу, в стационар. Там не принимают: «Нет направления». Я, бравируя, вступил в шутливый спор с медсестрой. Но когда она увидела мою ногу, поспешно позвала дежурного врача, который некстати оказался гинекологом. Я скорее отпустил ребят с машиной: там, в лесу, в полной тьме, сидят наши, без костра и на морозе.

Утром на другой день, еще до прихода хирурга, вижу в окно, как к нему подходит мой старший сын

Саша с какой-то корзиночкой и плачет, ему шел 12-й год. Его не пустили, а меня повезли в операционную. Здесь было больно, ведь сломаны обе берцовые кости, со смещением.

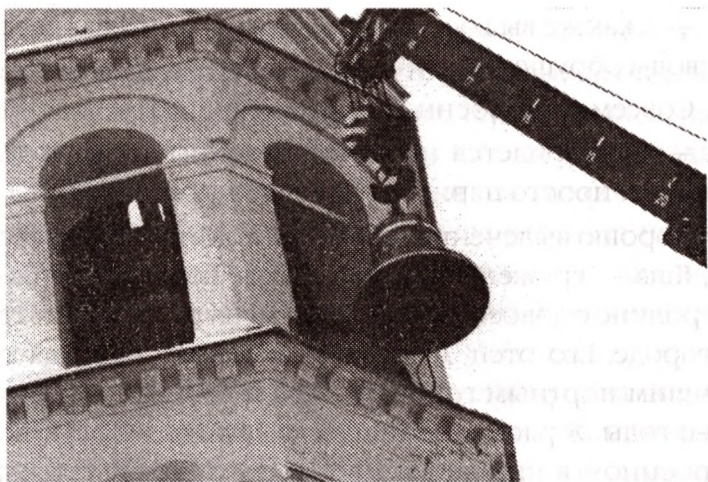
Окончания гипсования ноги от бедра до пятки уже дожидался директор техникума Б.М. Барыбин. Ему я рассказал все, как было, и мы согласились с тем, что единственный виновник происшествия — я сам. Потом я спросил его, зачем их вызывали в райком. Он говорит: «В закрытом письме содержалась критика заблуждений Мао Цзэ Дуна».

Несомненно, если бы работой руководили мы трое, беды бы не случилось. Поэтому, лежа месяцы на спине, я считал себя тогда жертвой коммунистического бреда.

Сейчас я думаю иначе: тяжелую, сложную и опасную работу нельзя было производить 19 января — в праздник Крещения Господня. Для этого достаточно было всего лишь мне отказаться.

Голосники

Когда кости стали срастаться, врачи направили меня на курорт в Старую Руссу. В 1950 году это был прекрасный курорт, где все лечение было комплексным: лечили не только кости, но и желудок, и зубы и т.д. И лечение грязями быстро пошло на пользу. Врачи рекомендовали неторопливые прогулки.

Гуляя по городу, я пришел на берег реки Полы. Вижу, ведутся работы по восстановлению какого-то храма. Четверо женщин в ватниках поднимают по настилам кирпич. Около храма пожилая женщина-архитектор поделилась с сочувствующим прохожим (со мною) своим возмущением. На стройке рабочие неквалифицированные, их постоянно снимают на другие объекты, нет техники, не хватает материалов и т.д.

Я спросил, чем замечателен восстанавливаемый храм, он вроде и не такой большой или древний. Архитектор объяснила, что этот храм XVI века примечателен своими голосниками — это огромные гончарные горшки, вставленные в своды церкви. Они дают особый акустический эффект, в результате чего звук службы и пения распространяется равномерно по всему пространству церкви.

— А как же вы восстановите голосники, ведь здесь и своды обрушены?

Совсем расстроенная архитекторша отвечает:

— Нам придется на железобетонных плитах голосники просто нарисовать в виде кружков...

Хорошо вылеченный приехал я домой. А мой свояк, Яша — уроженец Старой Руссы, который не был на родине с довоенных лет, стал меня расспрашивать о городе. Его отец, Лазарь Исаакович, был когда-то лучшим портным города, за что и был уничтожен в 30-е годы. Я рассказал Яше о памятнике «Орлу», построенном в начале века в память о Вильянстранском полке, квартировавшем в Старой Руссе и погибшем в войне с Японией. Рассказал и о реставрации храма. Яша сразу оживился:

— Так это же церковь Николы на Поле. Я ее ломал. Нас, комсомольцев, посылали ломать церкви. Заберешься с ломом или кувалдой и ковыряешься с проломом сводов весь в поту. Зато как лупанешь ломом по горшку, только черепки сыплются, гораздо веселее.

Теперь Яша и сам уже покойный.

Торькая судьбина

Километрах в двух от Ильинского в недавние времена была деревня Владенино. Оттуда в Ильинское в храм на службу в довоенные годы приходил Алексей

Дмитриевич Ципленков. Работал он в колхозлесхозе лесником. В церкви хорошо читал часы, шестопсалмие и каноны. Обладая ровным, терпеливым характером (что особенно ценилось в те нервные годы), Алексей Дмитриевич состоял членом церковной «двадцатки». Хотя он был постарше меня лет на двадцать, мы с ним хорошо подружились. Его любил мой отец и ставил в пример как истинного христианина.

Уехав учиться в Ленинград в 1938 году, я стал редко посещать Ильинское. Потом война отхватила от моей жизни лет шесть. Вот в 1946 году мне опять довелось побывать в Ильинском, и я спросил у знакомой женщины об Алексее Дмитриевиче, остался ли он жив после войны.

Та только рукой махнула:

— Жив-то остался, но лучше бы погиб. Его мучают болезни и несчастья, — и она замолчала.

В следующий мой приезд через полгода она говорит, что Алексей Дмитриевич очень хочет поговорить со мною и просит прийти. Я ночевал в Ильинском и пошел с утра во Владенино.

Деревня сильно опустела. Несколько пустых усадеб, ряд заколоченных домов наводят на грустные мысли. Но жизнь теплится: запел где-то петушок, на вешне привязана коза, на некоторых усадьбах без домов разделаны грядки.

Встречает на крыльце незнакомая мне женщина и просит, чтобы я был снисходителен к Алексею Дмитриевичу, ибо он совсем слепой. Зинаида Петровна (так звали хозяйку) кричит: «Пришел твой друг, сле-

зай». Ципленков сидит на печи и с помощью женщины спускается, натывается на стол, и я вижу, что он совсем беспомощный.

Он обрадовался мне, и мы заговорили. Вдруг он спрашивает меня, почему во всех странах дни и числа разные, а год один и тот же. Ну, подумалось мне, он лишился рассудка. Потом я понял, что он стеснялся сразу рассказывать о своих горестях.

В первые же дни войны его призвали в армию, дома у него осталась жена с детьми. Выдали винтовку с патронами и погнали пешком под Либаву. Через неделю их часть оказалась в окружении. И, не сделав ни одного выстрела, их командиры сдались немцам. Всего и повоевали...

— Немцы построили нас в колонны и погнали пешком в распределительные лагеря, а оттуда — на каторжные работы. Отстающих и больных, которых вначале было немного, пристреливали. Это потрясло пленных, не испытывавших еще всех ужасов холодной фашистской бесчеловечности. Враги не разговаривали по-русски и только подавали команды, которые пленные быстро научились понимать.

Кормили какой-то овощной баландой без хлеба, и силы наши истощались. Странно, но в массе людей не попадалось знакомых, все перемешалось. Мы, угнетенные и перепуганные, не смели и голову поднять, чтобы рассмотреть врагов.

Наконец распределили по разным лагерям. Я попал в лагерь под городом Иена. Поставили на работу — поднимать кирпичи на какой-то стройке, потом

рыть траншеи для прокладки кабелей. Здесь, увидев, что я перекрестился, ко мне подошли два наших солдата, и мы подружились, стали, доверяя друг другу, помогать и подсказывать по возможности.

Но неожиданно нас погрузили в товарные вагоны и перевезли куда-то в Польшу, где поставили разбирать дома после бомбежки. Потом погнали еще в какие-то лагеря. Здесь мы впервые услышали о Сталинграде, и настроение сразу подпрыгнуло. Охранять нас ставили поляков, и мы слышали человеческую речь вместо немецкого лая.

О делах на фронте мы не знали, да и не до того нам было. Но сердце ныло о родных краях: не попали ли они в оккупацию. Оказались среди нас белорусы, которые рассказывали страшные вещи об оккупантах.

Так я прошел за четыре года плена шесть лагерей.

— Какой лагерь был самый тяжелый? — спросил я.

— Для меня, — отвечал Ципленков, — это был лагерь Дахау, где мы работали под землей, строя что-то секретное. Здесь несколько пленных пытались бежать, но их поймали, сразу расстреляли, а трупы бросили нам в штольню для острстки. Непрерывно мы испытывали различные физические, а главное, нравственные мучения, находясь как бы в преддверии ада.

Многократно к нам посылали агитаторов, призывающих в РОА (Русскую Освободительную Армию) генералов Власова и Малышкина. И многие из нас шли туда. А я, зная, что это дело несправое, каждый раз уклонялся.

Народ в лагерях постоянно менялся: одни умирали от нечеловеческих условий, другие заболели, уходили в РОА. Однако стали появляться сексоты («секретные сотрудники»), пособники фашистов, кроме того, агитаторы, служащие врагу. Это все дети «доктора лжи» Геббельса. Все они, получая какие-то преимущества, неизбежно себя разоблачали в наших глазах.

Стали доходить слухи, что русские побеждают гитлеровцев, и на душе повеселело. Но мы все равно были отрезаны от всего мира и вместо человеческой речи слышали лишь собачий лай. Чужая ненавистная речь похожа на лай.

Доносится страшный грохот, но почему-то с запада. Неужели союзники наступают быстрее наших? Кто они? А это шла тотальная бомбежка немецких городов американской авиацией.

Теперь нас сгоняют в один большущий лагерь где-то в районе Мазурских болот в Польше. Отдельно устраивают лагерь военнопленных французов, англичан, чехов и американцев.

Скоро в их лагере заиграла музыка, появились медики в белых халатах, туда стали приходить письма и посылки с родины, приехали полевые кухни. Англичане так обнаглели, что стали играть в футбол.

А мы в отдельном лагере голодали, мерзли и болели под строгой охраной СС, отрезанные от всего мира.

Вдруг появились агитаторы и объявили нам: «Ваш Сталин сказал, что у него нет военнопленных, все они — враги народа и изменники». Это было самое страшное, что могло быть. Родина отказывалась от нас!

Но скоро пришло «освобождение». Советские войска погнали немцев на запад, охранники сбежали. Тех, кто мог идти, красноармейцы построили в колонну и под конвоем погнали на восток. Погрузили в телячьи вагоны и привезли в Гороховецкие лагеря где-то в Поволжье.

Здесь начались непрерывные допросы, отпечатки пальцев, фотографирование, как у настоящих преступников. Поджилки затряслись, я стал терять зрение. Содержание было не лучше, чем у фашистов.

А когда мы стали спрашивать о судьбе своих родных, слышали злобный лай людей, который был хуже, чем у немецких овчарок.

Мне скоро выдали бумажку: «Ципленков А.Д., освобожден советскими войсками из Мазурского лагеря 20 апреля 1945 года. Слепой». Подпись, печать...

«А как же я до дома доберусь?» — «Убирайся, пока не пристрелили», — и снова лай.

Как уж я домой добрался — Господу известно! Ни денег, ни хлеба. Одежда из немецкого плена, снятая когда-то с убитого солдата. Нашлись люди, накормившие картошкой, кто-то довез до станции на лошади. Там запихали в поезд, откуда скоро высадили. Везде помогали люди, познавшие глубины человеческого горя. Во Владенино довезли попутно с молочной тарой.

Однорукий возчик рассказал, что жена моя умерла, дочка уехала в Сибирь, а сын вступил в партию и отказался от отца — «изменника Родины».

Всего трясет, свет из глаз совершенно исчез. Соседка ввела к себе домой, покормила и рассказала, что мой Петька объявил, что не пустит в дом изменника-отца. Не мог спать всю ночь, переживая страдания.

Утром соседка повела меня в мой дом. Он оказался на замке. Пошли к председателю колхоза. Тот застучал костылем: «Явился, паразит», — и снова лай. Соседка привела снова к себе домой и накормила.

На следующий день, в воскресенье, меня привели в церковь. Батюшка, отец Михаил Веревкин, исповедовал и причастил Святых Таин. После службы он пригласил к себе домой, и мы долго беседовали.

Это его молитвами Господь устроил мою жизнь. В свой дом взяла бездетная вдова-солдатка Зинаида Петровна. И я, слепой старик, содержусь трудами молодой еще женщины.

Зинаида получает какое-то пособие по похоронке, разделявает огород, этим и кормимся. Она была пламенной комсомолкой, теперь учится читать по-славянски и петь на клиросе. Господь строит все к лучшему, — заключил свой рассказ Ципленков.

А я вновь узнал в нем прежнего терпеливого и доброжелательного Алексея Дмитриевича.

Вот бы нам иметь такую незлобивость и покорность Промыслу Божию!

Вопрос требует доработки

Моя мама умерла скоропостижно. Она пришла с обхода из терапевтического барака вместе с медсестрой Леной и, не заходя домой, заглянула в свой запущенный огород. Там нагнулась к сломанному помидору — и свалилась в борозду. Лена помчалась в ординаторскую за помощью.

Прибежали врачи и сестры, стали делать искусственное дыхание, уколы, электрошок.

Но мама даже не вздохнула.

В ту пору ей было 68 лет. А накануне она заказала билет, чтобы ехать к нам в Лисино, и хлопотала о подарках.

Мария Вячеславовна, 1955 г.

Мы с братом Борисом и женами сразу же бросились в Лочкино. Слезы, рыдания, растерянность: такое страшное горе.

В квартире полно народу. Люди плачут, становятся на колени, целуют маме руки, молятся. Отец обхватил голову руками, сидит безучастно — он едва узнал нас.

Ходячие больные и посетители стационара выстраиваются в

очередь, чтобы глянуть последний раз на горячо всеми любимую Марию Вячеславовну.

Неожиданно подъезжает автомобиль, и приехавший мужчина просит остаться в квартире только близких родственников умершей. Народ с неохотой выходит, и тогда прибывший выражает нам свои соболезнования.

Потом он говорит, что сам первый секретарь райкома желает, чтобы гроб с покойной был выставлен в районном доме культуры для гражданской панихиды. В доме культуры готовят для этого траурный зал.

Я решительно возражаю: мама никогда не состояла в партии. Товарищ подходит к отцу, но тот только

плачет и отрицательно трясет головой, не поднимая глаз. Приехавший говорит, что трудящиеся района хотели бы проститься с известным и любимым врачом.

Я опять возражаю: «Люди, знающие и любящие маму, могут завтра прийти в церковь в Ильинском, где ее будут отпевать. Там же на кладбище ее и похороним. Кому недосуг, лучше всего в молитвах помянуть дома рабу Божию Марию».

Раздосадованный товарищ уезжает.

На другой день мы и повезли маму на лошадке в Ильинское. По этой заветной нашей дорожке мама провожала свою особенно любимую дочь Ольгу и потом бесчисленное количество раз ходила к ней на могилу, то одна, то с отцом.

Стоит жара, и тело мамы начинает проситься в землю.

В церкви совершается литургия (был какой-то праздник). Много простого народа: колхозники, торфушки, пришедшие помянуть усопшую. Слезы, слезы, даже померкла острота сознания. Совершается отпевание, но батюшке провожать покойницу нельзя без разрешения из Калинина. Закрываем гроб в храме, несем милую маму в последний путь и погребаем.

В Ильинском тогда было еще много людей, любящих маму и обязанных ей многим. Мы надеемся, что они будут ее поминать и присматривать за могилой.

А в Лочкине нас ждут новые проблемы. Что делать с отцом? Мы не готовы сразу принять его, запутались в своих делах. Просим Лену присмотреть за ним. Она

женщина одинокая, своя в нашем доме и многим обязана маме. Даем денег, и она соглашается.

А вот в Лисино нас ждут срочные дела: у меня срывается практика студентов, у жены задержки с бухгалтерскими отчетами. Троих наших детей и еще троих сверстников-племянников обихаживает теща Федосья Михайловна с сестрой жены. Задерживаться в Лочкине нельзя.

Ночевали, сходили на могилу к маме и вернулись усталые и унылые.

Ближе к вечеру к нам самостоятельно стали собираться сотрудники больницы и знакомые из районного центра.

Разговор начал приехавший военком, который рассказал, как безукоризненно проходили военные сборы и призывы в армию, когда медицинскую их часть обеспечивала Мария Вячеславовна.

Врачи с восхищением вспоминали, какой она редкостный, прямо-таки интуитивный была диагност, как понимала больного, его страдания, и это без всякого лицепрятия.

Сестры вспоминали, как мама была строга к небрежным работникам, но снисходительна к их ошибкам, сколько она помогала сотрудникам в их личных бедах.

И тут снова полились слезы, когда одна из сестер сказала, что мама соприкасалась душой с душой больного или страждущего человека, тонко понимая и боль, и фальшь.

Поучительную историю рассказал главный врач района, Лия Аркадьевна. Мы об этом ранее не догадывались.

«В прошлом, 1963 году, из Москвы пришло распоряжение правительства представить в ЦК КПСС по 1–2 врача и директора школы из района для присвоения им звания “Заслуженный врач (или учитель) РСФСР”. По этому поводу несколько раз собиралось бюро райкома. Из врачей предлагалась одна Мария Вячеславовна.

И вот приехал ответственный товарищ из области. Мы, конечно, ему представили Марию Вячеславовну достойной высокого звания. Ведь она безупречно проработала врачом в Лихославльском районе более 40 лет: 8 лет в Калашникове и 34 года в райцентре. Она многократно отмечалась благодарностями и премиями в районе и области. Мое представление поддержал военком, и, главное, секретарь райкома.

Тогда бдительный товарищ спросил, а не наблюдалось ли за Соловьевой политических ошибок, не была ли она в оккупации. В оккупации она не была и в партии не состояла. У товарища и щеки опухли. Из биографии видно, что она дочь священника. А как она сейчас относится к Церкви? “После смерти дочери она иногда бывает в Ильинском храме”. — “Тогда зачем же мы напрасно тратим время в прениях? Вопрос требует доработки”, — резюмировал ответственный товарищ. До сих пор и “дорабатывается”. Мы поняли, в чем здесь препятствие».

Вернувшись в Лисино, мы утонули в наших запущенных делах — занялись работой и детьми.

А когда прошло время и мы несколько успокоились, я подумал, что отказ в присвоении маме высокого звания был ей во благо. Ведь причиной отказа было то, что она — православная христианка. А теперь и звание ни к чему.

Господь превратил зло в благо для мамы.

У меня на душе стало легче.

Два мира

Когда я работал в экспедиции, у меня в подотчете бывали значительные суммы денег. Однажды приехал я с отчетом в нашу организацию в село Успенское, что к западу от Москвы, посидел на разных заседаниях, сдал документы, получил очередную партию

денег. Вижу, что следующий день — выходной, думаю: «Съезжу в Лавру преподобного Сергия». Рассчитал, что завтра на свой дальний поезд успею. Утром с первыми электричками поехал в Загорск. Отстоял в Трапезном храме литургию и отправился в Троицкий собор поклониться мощам преподобного Сергия. Там постоянно читается Акафист Преподобному Сергию около его раки. В ограниченном пространстве собора много народу, четко различающегося: справа от раки иеромонах читает акафист и православный народ стоит, слушает и подпевает; слева, вдоль стены, длинная очередь богомольцев, желающих приложиться к честным мощам; посередине — любопытствующие, туристы, иностранцы. Эти долго не задерживаются: поглазев и повертевшись кругом, выходят.

Я тоже хочу приложиться к мощам Преподобного и поставить или хоть положить свечку на огромный подсвечник. Но куда девать портфель с деньгами? Очередь двигается, я ставлю портфель у колонны, прикладываюсь к мощам, ставлю свечку и возвращаюсь к своему портфелю. Он меня ждет, здесь все свои. Но уж третий час, не опоздать бы на рижский поезд.

В душе светло, легко, огромная радость охватывает меня. На слуху молитвенные лаврские напевы, и я как бы лечу к вокзалу по воздуху, прикоснувшись к святыне.

Однако мне хочется есть, последний раз ведь я ел вчера вечером. На вокзальной площади две столовые, я, голодный, вскакиваю в ближайшую столовую.

Здесь днем зачем-то закрыты окна, зал освещен красными фонарями, и воздух сотрясает вой бездны, ритмически выстреливают минометы из ада, в промежутках — визг свиней и бьющихся раздавленных кошек. Немноголюдно. Но я так голоден, что терплю эту мерзость. Беру борщ и что-то еще, сажусь за длинный стол, портфель ставлю в ноги.

Вдруг с ужасом чувствую, что он поехал из-под моих ног. Напротив сидят трое веселых молодых людей, пьют пиво и хохочут. Как сумасшедший, бросаюсь под стол, хватаю обеими руками портфель и бегу из столовой. Опомнился я только в электричке, где подумал, что представительством Преподобного избежал большой беды. Ведь если бы злые юноши знали, что в портфеле, мне пришлось бы долго рассчитывать за их веселье. А так они просто пошутили.

Потом, в дальнем поезде, мне пришло на ум, что сегодня мне пришлось побывать в двух мирах: Мире, который Господь оставил нам, и мире развитого социализма.

Как я хоронил своего отца

Мои родители на старости лет не хотели переезжать к нам в Лисино. Они жили в казенной квартире на территории Лочкинской больницы близ города Лихославля Калининской области. Мать моя работала врачом до последнего дня своей жизни. Она мудро

Андрей Михайлович Соловьев на сенокосе

рассуждала, что переселение стариков в нашу семью привнесет известные осложнения и хлопоты. Отец же рассуждал плохо: у него все чаще наступали припадки эпилепсии, в промежутках было сумеречное состояние.

И вот мать скоропостижно скончалась в 68 лет: инфаркт. Похоронивши мать, мы с братом не сразу взяли отца к себе, у меня были свои сложности в Лисино, у него свои проблемы в Ленинграде. Отец остался на попечении медсестры в своей прежней квартире в Лочкине, главврач пошел на это ввиду заслуг моей матери.

Через несколько месяцев отец упал в припадке и сломал два шейных позвонка, ему наложили гипс в

виде бронезилета, и он, в 75 лет, к удивлению всех, поправился.

Из больницы надо было забирать его к нам в Лисино: у брата квартира тесная. А у нас было уже трое детей, скот, огород, мы оба с женой работали. И со всем нашим сложным хозяйством управлялась моя теща, Феодосия Михайловна, которая была всего на год моложе моего отца. Так безропотно и терпеливо, так сноровисто и бойко могли работать только прежние люди. И вот ей на шею повесили ещё чужого сумасшедшего старика.

Отец все слабел, больше лежал и, наконец, умер, видимо, от воспаления легких, вследствие их отека. Смерть наступила вечером 5-го ноября, а впереди предстояло еще четыре дня праздников, работа везде прекращена.

На другой день пошел я к председателю сельсовета Прокофьевой за справкой на погребение. Она говорит: «Без медицинского заключения не могу. Если принесете его, в любой день, справку сразу же дам». Медпункт не работает, врач уехал в Ленинград по неизвестному адресу до 10-го. Умоляю медсестру Ирину дать справку, она говорит, что без врача не может: у него все бланки на печать.

Вдруг почему-то заходит медсестра Людмила и говорит: «Давай откроем стол, что нужно достанем и сами напишем». Но Ирина не решается. Более решительная Людмила находит ключи, достает бланки, печать, и сестрички пишут сразу четыре смертельные болезни. Сельсовет без задержки выдает справку на погребение.

Посылаю телеграмму брату Борису в Ленинград, но тот отвечает, что по каким-то важным причинам не приедет (они с отцом были в долголетней ссоре).

Но надо делать гроб, а производство празднует. Хожу по домам, упрашиваю директора и мастеров. Пошли делать, но изрядно пьяные. Я возился со справками, а когда пришел в столярку, вижу, что мастера гроб уже сделали, все станки в цехе гудят, а молодцы «хороши», ложатся в гроб и его примеряют. Принесли гроб домой, а с покойником не справиться: окостенел. Вдруг приезжает жена брата Бориса, Маргарита, у нее больше совести. Она врач, и с ее помощью обряжаем покойника в гроб. Сразу же Маргарита уезжает.

Как хоронить?

Вдруг я вспомнил, что отец когда-то хотел, чтобы его похоронили на родине, на кладбище в селе Ильинском, где уже покоилась его дочь Ольга и жена Мария. Директор машину дает, но с условием, что водителем поедет надежный, трезвый Новиков. Прихожу к нему, извиняется: куплены билеты, едет на родину на Псковщину. Вдруг, пожалев нас, соглашается ехать зав. гаражом Н.И. Болдырев. В 5 часов утра 7-го выезжаем и мчимся по праздничным (с флагами) и непраздничным поселкам, а это 500 км.

Подъезжаем к храму, сторожиха открыла, мы внесли покойника в церковь, и Болдырев сразу же уехал. Отпевать некому: священник уехал к дочери. А главное, нет дома Федора, старинного друга, на помощь которого я единственно и рассчитывал. Он уехал на

Храм иконы Божией Матери «Знамение», с. Ильинское

праздники к сыну в Крючково. Деревня вся чужая. Иду искать лопату, чтобы копать могилу; насилу дали.

Вдруг с радостью вижу огонь в доме Федора: он приехал накормить скот. Прибегаю к нему, он согласен за ночь выкопать могилу, но утром опять уедет к сыну: там будут беспокоиться. Ночь мы с ним проводились на кладбище, — могила готова.

Вдруг утром приехал почему-то священник отец Сергей Дмитровский. Отпел отца. Но кто понесет его на кладбище? Священник — ровесник отца. Две-три старушки не могут помочь. По законам того времени священник не имел права провожать покойника на кладбище. Нашелся какой-то совсем пьяный старик, с которым мы и понесли гроб. Несем мы, несем отца в

последний путь, вдруг пьяный старик падает, но гроб как-то удается опустить на землю; и так раза два. Донесли. Я заколотил гроб, с помощью старушек опустил в землю и зарыл.

Естественны слезы, скорбь и тяжесть дум. Но вместе с тем я почувствовал такое удовлетворение своим трудом и такое облегчение, какого не испытывал никогда в своей жизни.

Приехал домой и говорю домочадцам: «В данном случае я показал вам пример. Дети, поступайте и вы со мною так же!»

Много времени спустя я подумал: «А Кто показал мне трудности, кажущиеся непреодолимыми? И Кто удалял их последовательно на моем пути?»

Приключения на старости лет

Выйдя на пенсию, я почти ежегодно ездил в родное Ильинское. С Ильинским у меня связаны самые чистые, кристально-ясные воспоминания.

Здесь, в храме Знамения Пресвятой Богородицы, когда-то пел замечательный хор, и во время службы душа ощущала себя как бы в раю. Это были давние-давние довоенные годы.

Сердце стремилось именно в Ильинское, несмотря на физические трудности: надо отшагать 8 километров, не есть до обедни, да еще выслушивать насмешки в школе.

Пройдя невредимым все ужасы войны, я снова стремился в Ильинское.

Там, на родном кладбище, в песочке, похоронены самые близкие мне люди: сестра Ольга, мать и отец.

Обычно я путешествовал туда на Троицкую Родительскую субботу и на Пятидесятницу.

Тут знакомые люди охотно призывали странника.

В церкви, среди близкого мне по духу народа, где все, кто могут, поют, особенно радостно молиться.

После субботней заупокойной литургии радостные богомольцы спешат украсить храм к Троице. Мужчины привезли целый грузовик березок, а женщины, застлавши пол свежескошенной травой, выкладывают на нем круги из тростника.

Прекрасны Божественные службы, единодушие прихожан, «едиными усты и единым сердцем» славящих Господа.

Потом посещение кладбища и хоть какое-то возвращение долгов своим усопшим родным.

Что может сравниться с этими благими поездками по глубине и чистоте испытанных чувств!

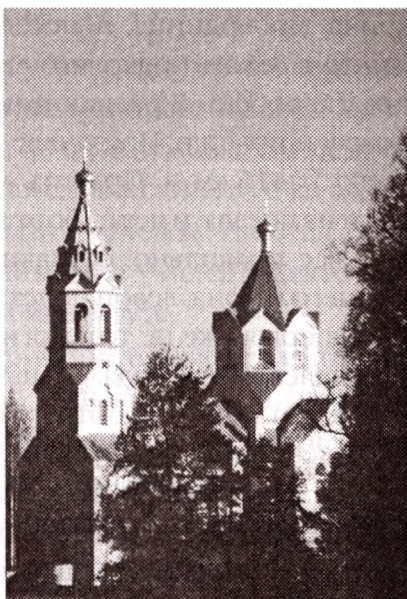
Так я и посещал Ильинское почти ежегодно до 2000 года.

Добраться туда было сравнительно легко: дальним поездом до Твери, потом на электричке в сторону Торжка.

Зато обратно было значительно сложнее. После службы еду электричкой до Лихославля, где нужно пересаживаться на дальний поезд уже к вечеру. Даль-

ний поезд пролетает мимо Тосно без остановки. Последняя остановка перед Петербургом — Малая Вишера. Значит, есть риск приехать в Питер ночью или остаться в Малой Вишере до утра на вокзале. А это в 80 лет трудновато.

Но прежде все обходилось. Я выходил в Малой Вишере и успевал на последнюю электричку, которой и доезжал до Тосно, где был почти дома.

И вот в последнюю поездку дальний поезд в Лихославль пришел с опозданием. Думаю, что теперь я в Малой Вишере не успею на последнюю электричку.

Приехали в Малую Вишеру. Проводница говорит, что, судя по времени, электричка, конечно, ушла. Значит, надо ехать до Санкт-Петербурга. Куда деваться там во втором часу ночи?

Поезд стоит одну минуту, и проводница даже вагон не открывает. Вижу в окно молодую пару на пустом перроне. Они говорят, что электричка еще не ушла, ждет, чтобы пропустить вперед наш поезд.

Мгновенно вскакиваю, ощутив себя в «боевых условиях», вылетаю в тамбур. Сзади бежит, истощно

крича, проводница. А поезд уже пошел. В тамбуре кто-то в белом, повар, что ли, кричит: «Молодец, старик, не робей!» Я распахиваю дверь, откидываю подножку и прыгаю. Поезд еще не разогнался, скорость всего 10–15 км/ч. Прыгать мне приходилось много раз и из поезда, и через борт автомобиля. И сейчас делаю все правильно: отталкиваюсь правой рукой от идущего вагона, левой подставляю портфель под бок. Но теперь я уже не тот: ноги не справляются, и я падаю налево, от поезда. Слышу треск, думаю, что треснул череп. Мысль работает четко: поезд остановился, парочка убегает от происшествия, проводница орет.

Но мне же нигде не больно. Вскикиваю и машу портфелем. Поезд пошел, и на душе полегчало. Треск был в портфеле, где раздавились вареные яйца. Но по лицу течет кровь, и я ее стираю, чтобы не вымазаться.

Перебегаю на другую платформу, где электричка вот-вот тронется. Ухватился за поручни — и поехали. На душе еще легче.

В вагоне спрашиваю у женщин зеркальце, но почему-то они убегают от меня. В следующем вагоне снова женщины сбиваются в кучку и говорят, что у них зеркала нет. Сажусь спокойно, и уже недалеко от Тосно две женщины подходят и дают зеркальце. Потери: оцарапан лоб об асфальт, замутнилось стекло часов, да пустяшный ушиб ноги.

Из Тосно меня Павлик везет домой. Уже к утру я жене объясняю, что на кладбище оцарапался о проволоку.

Теперь стало ясно, что мои путешествия в Ильинское поездом закончились.

Иногда нам на службу очередного священника привозил на своей машине молодой человек Александр. Во время литургии он прислуживал священнику, знал службу и читал по-славянски. Это был высокий, могучего телосложения человек. Работал он в Петербурге (был чиновником) и учился в Свято-Тихоновском богословском институте.

У меня были ранее приобретенные граммофонные пластинки духовной музыки, но мой патефон давно испортился. Пришло мне на ум подарить их Александру, и он с радостью их принял.

В 2003 году Александр и говорит мне: «Не хотите ли съездить в Троице-Сергиеву Лавру? Но как Вам будет в моей не совсем комфортной машине?» Я весь затрепетал и говорю, что ради этакой благодати готов перенести многое, да и запаса здоровья довольно. Хожу в восторженном состоянии.

Прошло лето, и Александр звонит мне, что выезд намечен на раннее утро 30 августа. С нами едет Андрей, руководитель духового оркестра техникума. Я его знал как воцерковленного скромного молодого человека.

С вечера жена приготовила мне хлеба, колбасы и помидоров, мол, по дороге легко можно будет купить поесть.

И в 5 часов утра в субботу мы полетели. «Нива», правда, не очень удобная машина: в ней тесновато, и вылезать неловко.

Александр ведет машину весьма искусно, не снижая скорости ниже 90 км/ч. Вдруг, бряк, отвалился глушитель. С полчаса потеряли, ожидая мастера, и летим дальше. Города и веси только мелькают, я исхожу красноречием, а спутники молчат. Почти непрерывного хода 12 часов.

Прибыли в Сергиев Посад, спешим ко всенощной. В Успенском соборе служит епископ Феогност, наместник Лавры. Торжество богослужения, замечательный хор, дьяконы вдохновляют до слез. Но служба монастырская, и мы устали. Мне дали стульчик, Александр терпит, а Андрей вышел.

Не дождавшись 1-го часа, пошли отдыхать. В гостинице чисто и уютно, наш номер — на троих. Вечернее правило — и спим.

Утром богослужения в Лавре начинаются в 5.30, последовательно через час в разных храмах обители. В каждом из пяти храмов, где служитя литургия, идет исповедь и хор поет своими напевами: и обиходным, и монастырским, и знаменным.

Наш Александр здесь свой человек. Но знакомясь со всем этим великолепием, мы неизбежно упускаем службы. В Троицком соборе мы застали только часть литургии, а в храме Святого Духа не успели посмотреть роспись псковских мастеров и В. Васнецова, а церковь уже закрывают. Идем опять в Троицкий собор, где у мощей Преподобного Сергия служитя акафист, народ поет и терпеливо отстаивает длиннющую очередь. Нас подводят к раке Преподобного без очереди, словно иностранцев — и это как-то нехоро-

шо. Подождали немного на скамеечке у храма, к нам подошел монах и повел туда, куда не всех пускают, в келлию преподобного Никона. Спускаемся вниз в Троицком соборе на то место, где была келлия аввы Сергия; здесь под спудом находятся мощи преподобного Никона, а рака с мощами преподобного Максима Грека стоит у стены. У другой стены собраны величайшие святыни православного мира: частицы мощей множества святых, среди которых выделяется десница Первомученика Стефана. Разбежались глаза, задыхаюсь от волнения при виде стольких чудес. Но надо выходить.

В церковной лавке купили большой календарь и замечательный ладан. Пора ехать, уже 17 часов.

В монастыре нас покормили и дали по удивительно вкусной лепешке. Откусил кусочек и думаю: «Вот Люсю угощу». Не пришлось.

Внутри все ликовало, словно побывал на Небесах.

Опять Александр ловко маневрирует в полчище машин, а я увлекся просвещением спутников своими познаниями в лесоводстве.

Проезжая через Торжок, мне очень хотелось посмотреть родной город. Но смеркалось, а мы очень спешили, ибо Александру надо было быть в Петербурге уже в понедельник утром.

Стало темнеть, и наш оратор наконец утомился и уснул.

Вдруг ба-бах! Из глаз летят искры, удар по голове. Автомобиль лежит на правом боку и скребет по асфальту. Я соображаю как бы со стороны, что случи-

лась авария, но не боюсь, воспринимая случившееся как пустяк.

Товарищи выскакивают в левую дверь и стараются вытащить мою неуклюжую тушу. Они-то испугались, жив ли старик. Нас обгоняет машина слева и тоже с грохотом опрокидывается. Сзади подъехали «Жигули», водитель выскочил, кричит: «Глуши мотор, сейчас загоритесь!» Но мотор наш работает вразнос. Подъехавший рвет провода, и наступает тишина. Друзья ощупывают меня, но мне нигде не больно, только кепка приклеилась кровью к голове.

В темноте раздаются гортанные звуки каких-то баб по-цыгански. Оказывается, на асфальте лежала туша черной коровы, сбитой, очевидно, гораздо раньше, но цыгане требовали за нее деньги с нас.

Подъехавший на «Жигулях» Дмитрий организовал собравшийся народ поднять нашу «Ниву» на колеса. У нее разбито лобовое стекло и смята правая дверь, где сидел я. Время — 23 часа.

Дмитрий ехал в Петербург один на работу и согласился довезти по пути нас в Лисино. Александр остался с машиной, от нас нет проку.

Доехали до дворца, и Андрей пошел спать, а Дмитрий повез меня дальше. Поворот, белые столбики дома Гудкова. Где вылезать? Темнота, ведь 4 часа ночи. Желая отпустить благодетеля поскорее, говорю: «Высади у двух фонарей...» И он поехал обратно на Тосно. Оказалось, что у нашего дома фонарь не горел, и я вылез около остановки автобуса. Но это стало ясно днем.

Довольно тепло. Пиджак перекинут через руку, кепка прилипла к голове, в руках палка.

Но тьма полная, тишина, и только мертвый свет фонарей освещает кусок асфальта. За асфальтом ведь канава: как бы не сунуться в нее, еще ногу сломаешь.

Иду по краю асфальта, ощупывая пространство палкой, но ничего не нащупывается. Походил минут 15, стал кричать: «Люся! Люся!» Она ведь у меня такая чуткая.

В ответ выскочила собачка, стала облаивать. Я кричу еще, прибегает уже четыре собачки и начинают дружно воспитывать бестолкового старика. А деревня дружно спит.

Внезапно потерял равновесие, ударился головой об асфальт и потерял палку. Без нее мне не встать на ноги. Палка улетела куда-то в траву, ищу-ищу ее, но так и не нашел.

Но удивительно, не потерял присутствия духа, только подумал, что Люсе надо будет ждать еще с полчаса. Кричу и кричу, в ответ собачки тоже усердствуют.

Пополз по траве по направлению на фонарь, попал в какую-то канаву и вдруг заскользил по мокрой траве вниз. Попалась березка, я с ее помощью встал. Немного отдохнул.

И вдруг ноги заскользили вниз, и я сразу ушел под воду. Это было приятно: вода теплая и показалась вкусной. Кепка поплыла и куртка тоже. Но я опять не испугался, только подумал: «Куда это меня занесло?» Слышу журчание воды, понял, Лустовка! Снова схва-

тился за березку, но опять сорвался и достиг ногами дна речки. Опять приятно и нестрашно. Читаю молитвы святителю Николаю и преподобному Сергию. Вновь зову свою Люсю.

Выкарабкался на берег, и собачки исчезли.

Пополз по траве на четвереньках. Интересно, что руки устают быстрее, чем ноги в коленях. Силы иссякают, и стало холодно. Но я опять не боюсь, только зову верную свою жену и про себя читаю 90-й псалом.

Вдруг вижу идущий в стороне автобус. Да это же 7 часов! Прогулял я три часа.

Полз-полз по траве, иногда отдыхая, и наконец увидел перед собой железный столб. Я по нему поднялся и с удивлением вижу Сашу. «Вам помочь?» — говорит он, поддерживает меня, и неожиданно подбегает Люся.

Холодно, и сил совсем нет, но я рад, рад! Они меня взяли под руки и поволокли домой, а я только ногами отталкиваюсь от земли.

Оказывается, мои крики услышала Юля, послала мне на помощь своего Сашу и позвонила моей Люсе.

Дома я стал командовать: «Раздевайте, вытирайте, скорее в кровать!» И Люся с Сашей проворно меня уложили, напоили чаем с коньяком и укутали, ибо я весь трясся. Вечером температура — 39,8. В эту ночь я спасся от трех смертельных опасностей: 1) сгореть в автомобиле; 2) утонуть в Лустовке; 3) простудиться на смерть.

А накануне побывал в Раю. Пища для размышлений. Цепь случайностей? Ничего себе «цепь» в 83 года.

Потом выяснилось, что Александр не сидел у дохлой коро-вы. Искореженная машина завелась, он укутался в запасное одеяло, доехал как-то до города и не опоздал на срочное мероприятие. Тоже здорово!

На другой день ко мне пришел Андрей, очень советовал, что не довел меня до дома. Потом пошел на место моих подвигов и принес кепку и палку. Но тужурка утлыла, увы, а с нею очки и медовая лепешка для моей Люси, а главное, просфоры от Преподобного Сергия.

Слово Патриарха

Когда-то мне довелось быть в патриаршем кафедральном соборе в Москве и присутствовать на литургии, которую совершал Святейший Патриарх Пимен в сослужении многочисленного духовенства. Это бы-

ло в праздник Антипасхи, в Неделю святого апостола Фомы.

У Патриарха был чрезвычайно музыкальный голос, лучшего мне слышать не доводилось. Хотя он совершал службу и не очень громким голосом, благодаря безукоризненной дикции каждое его слово разносилось по всему огромному пространству Елоховского Богоявленского собора.

Литургия окончилась, и Святейший вышел на амвон с очень кратким словом. Он сказал: «Сегодня мы слышали в Евангелии, как Господь сказал апостолу Фоме “Ты увидел — и уверовал (в Воскресение). Блаженны не видевшие, но верующие”. А ведь это Господь о нас с вами сказал! Мы Воскресшего Господа телесно не видели, но веруем. Значит, мы блаженны». Тысячи людей в соборе, и я в их числе, ощутили огромную радость, прямо-таки духовный восторг от этой простой и очевидной всем православным людям мысли.

Содержание

Звон колоколов радует сердце	3
Торжок	5
Вразумление	25
Рассказ бабушки Ольги	27
На приеме у Владыки	29
Недостойн.	35
Отец Иоанн.	39
Удар	45
До войны в Ильинском.	47
Случай?	51
Храм Христа Спасителя	52
Алешенька.	55
Локотцы	58
Послушник Виталий	64
Как я изгонял Александра Сергеевича Пушкина	67
Сеанс Кашпировского	69
Грязью — в священника	71
Три Екатерины	72

Батюшка... поп	76
Неожиданная польза церковно-славянского языка	78
Несчастливая Таня	81
Дальний родственник	85
Трахоме — бой!	99
Господни слуги	109
«Биологи во Христе»	115
Гербарий.	125
Наблюдения идеалиста-этнографа	129
Плоды самонадеянности	135
Голосники.	138
Горькая судьбина.	140
Вопрос требует доработки.	147
Два мира	152
Как я хоронил своего отца	154
Приключения на старости лет	159
Слово Патриарха.	169

С.А. Соловьев

ЗВОН КОЛОКОЛОВ РАДУЕТ СЕРДЦЕ

*Ответственный редактор А.В. Блинский
Редакторы: А.Л. Афанасьев, И.М. Ольшанская
Художественный редактор И.А. Шкаровская
Технический редактор А.Л. Блинский
Корректор О.А. Супрунова
Выпускающий редактор Л.В. Человечкова*

Издательство «САТИСЪ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
Межрегиональный фонд «ДЕРЖАВА»,
лицензия ИД № 02981 от 06.10.2000 г.
199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis-redakt@yandex.ru www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis@por3.rcom.ru
Представительство в Москве:
(495) 956-36-14.

Подписано в печать 10.04.2007 г.
Формат 60х88/16. Печ. л. 11. Тираж 2 000 экз.
Зак. № 4061

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12